

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО НАУКЕ И ИННОВАЦИЯМ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН

ИННОВАЦИОННЫЙ НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
«СИБИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛЕВАЯ ШКОЛА»

Российские ученые — студентам университетов

М. В. Аникович

МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИИ
И НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ
ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

Избранные лекции

Новосибирск
2010

УДК 902+903
ББК Т4(0)22-Оя7
А 670

Аникович М. В. Методология археологии и новые подходы к изучению верхнего палеолита Евразии: Избранные лекции / Новосиб. гос. ун-т; Ин-т археол. и этногр. СО РАН. Новосибирск, 2010. 56 с. (Российские ученые — студентам университетов)

ISBN 978-5-94356-932-6

Избранные лекции по археологии палеолита представляют авторское видение сложных проблем теоретического и практического характера в интерпретации археологических материалов каменного века. Специфика особого раздела археологии — палеолитоведения — предполагает особенности научного поиска как в области полевых исследований, так и на уровне осмысления полученных материалов. М. В. Аникович — известный в России специалист в области изучения палеолита — предлагает результаты своих исследований в формате серии лекций для студентов, специализирующихся по археологии.

Работа выполнена в рамках ФЦП

«Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»,
госконтракт 02.741.11.2238, а также при поддержке
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

- © Новосибирский государственный университет, 2010
- © Институт археологии и этнографии СО РАН, 2010
- © Аникович М. В., 2010

ISBN 978-5-94356-932-6

Аникович Михаил Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург). Специалист по палеолиту Костенок и Восточной Европы, происхождению верхнего палеолита, взаимоотношениям человека и мамонта в позднем палеолите, общим вопросам палеолитоведения.

Кандидатская диссертация «Памятники стрелецкой культуры» (1977); докторская диссертация «Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы» (1991).

М.В. Аникович — известный российский археолог, автор многочисленных монографий, научных статей и популярных книг по первобытной археологии. Он широко известен не только в профессиональной среде, его работы хорошо известны студентам и аспирантам, специализирующимся в области археологии палеолита, теоретической археологии, палеоэкологии древнего человека. Михаил Васильевич принимает участие в образовательных проектах Новосибирского государственного университета, неоднократно принимал студентов НГУ на стационаре Костенковско-Борщевской экспедиции Института истории материальной культуры РАН в с. Костенки Воронежской области.

ЛЕКЦИЯ 1

Основные методико-методологические положения и понятия

Свои лекции я хочу предварить следующим замечанием: я ни в коем случае не высказываю истину в конечной инстанции; я излагаю лишь свою точку зрения. По моему убеждению, научный подход — это отнюдь не отыскание конечных истин. Это постоянный поиск, постоянные дискуссии, постоянное движение. Если же по любому вопросу провозглашается «единственно верная» точка зрения (а это типично для тоталитарных режимов!), наука попросту костенеет; научный подход заменяется квазинаучным догматизмом.

Так что повторю еще раз: я всего лишь излагаю свою точку зрения, любые вопросы и споры буду только приветствовать.

1. О научном познании

Кстати, давайте вдумаемся: а что такое «наука»? До сих пор живы и даже весьма популярны представления, доставшиеся нам в наследство от XVIII–XIX веков. В общих чертах их можно сформулировать так: наука — это единственно адекватный способ познания мира; научное познание исключительно рационалистично, в «гипотезе о Боге» не нуждается; в процессе научного познания человеческие знания о мире непрерывно нарастают путем простого сложения (знали меньше — стали знать больше).

Именно в таком духе наука трактовалась и в учении диалектического материализма. Согласно этому учению, она есть высшая ступень человеческого познания как такового, дающая в конечном счете единственно верную, объективную картину мира. Предполагалось, что при «правильном» (то есть материалистическом) подходе, история (да и все прочие гуманитарные дисциплины) должны стать такими же «истинно научными», как и естественные, по сути отождествиться с ними.

Искусство признавалось как «форма общественного сознания», а вот вопрос о его значении как особой формы познания мира даже не ставился. Все это отметалось как вредные заблуждения, «поповщина». При таком подходе анализировать науку как *одну из форм* человеческого познания со своей спецификой, своей областью применения, своими границами было просто немислимо.

Ситуация в науковедении коренным образом меняется во второй половине прошлого века. Науке понемногу начинает отводиться все более скромная роль, а именно: роль *одной из форм* познания мира. В такой ипостаси она обладает своими особенностями, своей спецификой, но уже не претендует на открытие абсолютных и конечных истин. Так в настоя-

щее время думают многие философы и науковеды. К примеру, Ю. А. Урманцев выделил больше десятка форм «постижения бытия», основанных на трех «базовых» формах: чувственных, понятийных и «медитационных» (сверхчувственных, иррациональных).

Показательно, что и в некоторых работах советских философов, официально считавшихся «марксистами», говорилось о разных формах познания. Так, А. И. Ракитов еще в начале 1980-х гг. противопоставил науку «художественному, религиозному, политическому, правовому или моральному познанию». Причем противопоставил не в смысле «истинное — ложное», а именно в плане различия форм.

Каковы же главные особенности научной формы познания с современной точки зрения? Науковедение второй половины XX в. показало, что они самым существенным образом отличаются от наивно-романтических представлений о всеилии науки, которые были свойственны предшествующему периоду и не изжиты до сих пор в нашем обиходном сознании.

Пожалуй, самый решительный удар по таким представлениям нанес Томас Кун. В своей знаменитой книге «Структура научных революций» он показал, что научное познание развивается отнюдь не прямолинейно, не путем постепенного накопления данных и построения все более точных теорий («относительных истин», которые должны диалектически суммироваться в «абсолютную истину»). Все это не более чем иллюзия. А возникает она потому, что в абсолютно преобладающем большинстве случаев научная деятельность осуществляется в рамках так называемой «нормальной науки», как «решение головоломок» (терминология Т. Куна. — М. А.), основанное на некоторой совокупности убеждений, ценностей и методик, принятой данным научным сообществом. Эта совокупность, названная Куном *парадигмой*, рано или поздно сталкивается с *аномалиями*, обнаруживаемыми в ходе развития «нормальной» науки, и приходит к кризису.

В конечном счете, после безуспешных попыток согласовать аномалии со старой парадигмой, ситуация неизбежно разрешается *научной революцией*, приводящей к *смене парадигм*. Здесь важно понять, во-первых, что новая парадигма никогда не является простым приращением к старой. Меняются основные постулаты, меняются фундаментальные понятия, определяющие «правила игры». Еще важнее осознать, что, вопреки ощущениям большинства ученых, работающих в «нормальной» науке, ни одна парадигма не является адекватным описанием реальности. Любая из них — это только вспомогательное средство, модель, позволяющая наилучшим на данный момент способом упорядочить исходные данные.

Современное науковедение показало также, что различие между естественными и гуманитарными дисциплинами, выражающееся в английском языке терминами *science* и *humanity*, имеет не только терминологический, но куда более глубокий смысл. Полное устранение этих различий, превращение *humanity* в подлинную *science* невозможно в принципе. Вместе с тем *science* и *humanity* обладают и некоторой совокупностью общих признаков, которую А. И. Ракитов определил как «слабую версию» науки.

Наконец, роль *теории* в научном познании очень велика, но совсем не такова, как представлялась ранее. Невыводимость научной теории из эмпирии является в современном науковедении общепризнанным положением. Впервые оно было всесторонне обосновано Филиппом Франком в его монографии «Философия науки». При этом, по Франку, «различие между чисто философской гипотезой и гипотезой научной состоит в том, что последнюю можно проверить». Особо подчеркнем: при построении научной теории апелляция к «здравому смыслу» не имеет ни малейшего значения. Теория может быть сколь угодно фантастичной и абсурдной, пока она поддается проверке на уровне повседневного опыта. И, напротив, прямое утверждение о природе Вселенной, которое нельзя проверить экспериментально, является чисто метафизической спекуляцией, а не научной теорией. Например, такие утверждения, как: «Все существующее в природе материально; никакого духовного мира нет» или «Сознание есть продукт материи», принадлежат, конечно, к этой категории, независимо от того, насколько самоочевидными они могут показаться носителю здравого смысла» (С. Гроф).

Суммируя сказанное, попытаемся кратко сформулировать основные особенности научного познания в широком смысле слова (*science + humanity*).

Во-первых, научное познание **рационалистично**; методы, система доказательств строятся по законам разума, логики.

Во-вторых, оно **проверяемо**; любой научный вывод может быть подвергнут проверке не только по линии ведущего к нему логического пути, но и в самых исходных, эмпирических основах (данные наблюдений, экспериментов, первичные источники: документы, археологические находки и пр.).

Отсюда проистекает **критичность** научного познания: оно по крайней мере стремится ничего не принимать на веру. В то же время научное познание **теоретично**, то есть оно предлагает построение абстрактных моделей, стремясь наилучшим образом связать воедино эмпирические данные, истолковать их как часть определенной, закономерно функцио-

нирующей системы, причем эти модели должны обладать некоторыми прогностическими возможностями.

Помимо всего этого научное познание **редукционно**. Оно сознательно упрощает реальную картину мира; в классическом варианте — стремится свести высшие формы бытия к комбинации более простых его форм.

Наконец, имеются еще два важных свойства научного познания: **методичность** и **профессионализм**. В конечном счете они выводятся из сказанного выше. В любой науке принципиально важен не только конечный результат, «знание», но и ведущий к нему путь — «научный метод». Без этого знание, даже вполне достоверное, не может считаться научным. Многие ученые именно в *методе* усматривают главный критерий, отделяющий «науку» от «не-науки». И вполне понятно, что подлинно научные исследования требуют серьезной профессиональной подготовки.

Если такова природа научного познания, то что же представляют собой его результаты, «научная картина мира»? Вопреки расхожим представлениям, это отнюдь не адекватное отражение действительности, не «абсолютная истина» и даже не «бесконечное к ней приближение»! Это лишь некая совокупность моделей, принципиальная ограниченность которых заведомо предreshена. Тем не менее эти модели по-своему очень точно отражают определенные свойства, стороны, закономерности действительности. То есть «научная картина мира» неизбежно будет ограниченной, неполной, ущербной. Но... в *своих границах* (и *только* в них!), — она, несомненно, истинна!

2. Что такое археология?

Этот сакраментальный вопрос археологи и историки пытались разрешить с момента возникновения самой практики раскопок древних памятников. И бьются над ним до сих пор. Даже для сжатого обзора всех точек зрения, имеющихся на сей счет, потребовался бы отдельный курс лекций. По вполне понятным причинам мы этим заниматься не будем. Отмечу только, что применительно к палеолитоведению эта проблема стоит особенно остро: начиная с середины XIX в. и по настоящее время не прекращаются попытки оторвать палеолитоведение (а порой и шире: всю эпоху камня) от истории и переместить в корпус естественных наук. Эта проблема освещена в работах Н. И. Платоновой, что избавляет меня от необходимости специально заострять на этом внимание. Кратко остановлюсь лишь на своем понимании места археологии вообще и палеолитоведения в частности в системе наук.

Заявляю сразу: всю археологию, включая палеолитоведение, я безоговорочно помещаю в корпус общественно-исторических дисциплин

(т. е. отношу к *humanity*). В русской науке такая трактовка археологии (в т. ч. первобытной) изначально была доминирующей. Если же кто-то поинтересуется теоретическим обоснованием этой позиции, отсылаю вас к трудам Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского. В годы моей молодости это была полузапретная литература. Признаюсь: я сам открыл ее для себя случайно, только в конце 1980-х. Но уж в наше-то время не знать Лаппо-Данилевского археологу просто нельзя.

По крайней мере, с 1980-х годов мои взгляды на место археологии в системе общественных наук, на ее цели ее и задачи не изменились в своих основах. Как и прежде, я рассматриваю историческое познание в общем и целом в виде трех соподчиненных ступеней: источниковедческой, конкретно-исторической и социологической. В этой системе археология как самостоятельная дисциплина со своими специфическими целями и задачами («чистая археология», или «археология в узком смысле») относится к базовой, источниковедческой ступени, то есть *является источниковедческой дисциплиной*. В 1960–70-х гг. подобные взгляды не вызвали сочувствия среди подавляющего большинства отечественных археологов, занимавшихся методологическими проблемами. Господствовала концепция параллелизма: история и археология решают одни и те же задачи, только на основе разных источников. Историк — на основе письменных, а археолог — это тот же историк, только вооруженный лопатой.

Мои работы 1980-х годов, в которых я определял археологию как источниковедческую дисциплину, особого интереса не вызвали. Но в те же годы Л. С. Клейн недвусмысленно провозгласил источниковедческий статус археологии, убедительно аргументируя эту точку зрения и не менее убедительно возражая своим оппонентам. Тогда дискуссия возобновилась с новой силой. Против источниковедческой версии археологии особенно активно выступили такие общепризнанные в то время теоретики нашей науки, как В. Ф. Генинг и Ю. Н. Захарук. Однако оппоненты не смогли выдвинуть сколько-нибудь убедительных аргументов в защиту своих воззрений, отчасти запутались в терминологии (что и было продемонстрировано Л. С. Клейном, особенно в статье, вышедшей в 1989 г.), и, в конечном счете, предпочли завершить спор выражением личной обиды. Ничего принципиально нового не внесли и другие участники дискуссии. А впоследствии, примерно со второй половины 1990-х, с источниковедческой концепцией перестали спорить. Как-то незаметно она фактически стала доминировать в отечественной теоретической археологии. В сущности, произошло именно то, что Томас Кун именовал сменой парадигм.

На этом можно было бы и закончить, но я хочу обратить внимание на следующие моменты. Первое: я всегда относился и отношусь с глубочай-

шим уважением к Л. С. Клейну, считаю его одним из крупнейших мировых специалистов в области теоретической археологии. Однако я не являюсь его учеником. К одной и той же идее о статусе археологии мы пришли разными путями. В работах 1970-х годов Л. С. Клейн делал упор на *специфику* археологии по отношению к собственно истории, причем четкой формулировки археологии как источниковедческой дисциплины не было дано ни в его статье, опубликованной в кемеровском сборнике, ни даже в первом издании книги «Археологические источники». Хотя, по правде сказать, в этих работах читателя вплотную подводили к указанной идее.

Для меня, аспиранта и «молодого специалиста», в то время, напротив, на первый план выступало *единство* археологии и истории. Неизбежная специфика методов работы с археологическими источниками представлялась чем-то само собой разумеющимся. Фактически я разделял взгляды своего учителя, А. Н. Рогачева, рассматривавшего первобытную археологию как особую конкретно-историческую дисциплину. Вероятно, сказывалось и то, что я работал в одном подразделении с Г. П. Григорьевым, в чьих методологических разработках идея самостоятельности археологии была, действительно, доведена до абсурда. Археология представлялась настолько «самостоятельной наукой», что повисала в пустоте, без каких бы то ни было методологически обоснованных связей с другими общественно-историческими дисциплинами. Мои взгляды на место археологии в системе наук определились окончательно в 1980-х гг. — во многом под влиянием книг английского философа и археолога Роберта Джорджа Коллингвуда. Лишь позднее я узнал, что у нас в России к тем же выводам пришел и превосходно обосновал их А. С. Лаппо-Данилевский — еще в 1910-х гг., лет на двадцать раньше, чем Коллингвуд.

Второе, о чем я хочу сказать: устойчивость концепции параллелизма археологии и истории во многом основана на недоразумении. Хорошо известно, что археологи часто вторгаются в область собственно исторических построений, а то и социологических концепций. Однако из этого никоим образом не следует, что критический анализ археологических источников и собственно исторические построения, в которых используются выводы, следующие из этого анализа, должны рассматриваться как единая наука.

Система классификаций наук и деятельность конкретного ученого — это далеко не одно и то же. Ученый может работать и в чисто источниковедческой области, и в области конкретно-исторического исследования, и, в конце концов, в области философии науки. Но это отнюдь не означает, что мы не должны различать эти сферы деятельности! Напомню вам: великий Франсуа Борд был незаурядным писателем-фантастом. Но не будем же мы на этом основании включать беллетристику в сферу археологии.

И, наконец, третье. На сегодняшний день в отечественной археологии возобладала источниковедческая концепция. Однако общеметодологические принципы требуют своего воплощения — не только в методико-методологическом, но и в конкретно-научном плане. Без этого они остаются схоластическими упражнениями — и только. Это одна из причин, по которым я отказался от дальнейшего участия в полемике после выхода моих статей конца 1980-х гг. Для меня лично вопрос о статусе археологии был решен, позиция изложена, — нужно реализовывать ее на деле. Чем я и занимаюсь по мере сил. Подчеркиваю: полагая данный вопрос закрытым *для себя лично*, я отнюдь не считал (и не считаю), что сама проблема закрыта раз и навсегда.

Рекомендуемая литература

Аникович М. В. О месте археологии в системе общественных наук // Категории исторического познания. Л.: Наука, 1988. С. 73–98.

Аникович М. В. «Три уровня археологического исследования» или три ступени исторического познания? // Сов. археология. 1988. № 1. С. 218–224.

Аникович М. В. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // *Stratum plus*. 2005. № 1 (2003–2004). В эпоху мамонтов. С. 487–505.

Генинг В. Ф. Объект и предмет в науке археологии. Киев: Наукова думка, 1983.

Генинг В. Ф. Археология — целостная научная система или «дилетантские вылазки», «полуфабрикат знания» // Сов. археология. 1989. № 3. С. 215–228.

Генинг В. Ф. Проблема построения фундаментальной археологической теории // Росс. археология. 1992. № 1. С. 69–84.

Генинг В. Ф. Письмо в редакцию. «О стиле дискуссии Л. С. Клейна» // Росс. археология. 1992. № 4. С. 257–259.

Григорьев Г. П. О предмете археологии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент, 1973. С. 40–42.

Гроф С. За пределами мозга. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1993.

Захарук Ю. Н. Археология: наука историческая или источниковедческая? // Сов. археология. 1989. № 3. С. 207–214.

Захарук Ю. Н. К дискуссии о статусе археологии // Росс. археология. 1992. № 4. С. 97–101.

Захарук Ю.Н. О статье В.Ф. Генинга «Проблемы построения фундаментальной археологической теории» // *Росс. археология*. 1992. № 4. С. 83–86.

Клейн Л.С. Предмет археологии // *Археология Южной Сибири*. Известия кафедры археологии Кемеровского университета. № 3. Кемерово, 1977. С. 3–20.

Клейн Л.С. Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.

Клейн Л.С. О предмете археологии (в связи с выходом книги В.Ф. Генинга «Объект и предмет науки в археологии») // *Сов. археология*. 1986. № 3. С. 209–219.

Клейн Л.С. В защиту «чистой археологии» // *Сов. археология*. 1991. № 2. С. 102–110.

Клейн Л.С. Методологическая природа археологии // *Росс. археология*. 1992. № 4. С. 86–97.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиография. М.: Наука, 1980.

Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Вып. II. Пг., 1913.

Ракитов А.И. Историческое познание. М.: Изд-во полит. лит., 1982.

Урманцев Ю.А. О формах постижения бытия // *Вопросы философии*. 1993. № 94. С. 89–105.

Франк Ф. Философия науки. Связь между наукой и философией. М., 1960.

ЛЕКЦИЯ 2

Хронология и периодизация

3. Общие представления

Оба эти понятия одинаково присущи как собственно истории, так и археологии. Кстати, это лишний раз доказывает их неразрывное единство. Хронология и периодизация — тесно взаимосвязанные, но отнюдь не тождественные понятия. Отметим важнейшие моменты, которые определяют, с одной стороны, относительную независимость, с другой — тесную взаимосвязь этих двух категорий исторического познания.

В *хронологии* исторические явления, события, процессы проецируются на некую внешнюю по отношению к ним временную шкалу, в идеале увязанную с современным календарным временем. *Относительная хронология* — это установление временной последовательности в пределах какой-то ограниченной совокупности исторических явлений, событий, процессов. Эта последовательность относительно друг друга может быть выстроена и тогда, когда связь всех этих явлений и событий с внешней временной шкалой по тем или иным причинам оказывается проблематичной. В археологии относительная хронология наглядно представлена на многослойных стоянках: то, что лежит глубже — древнее; то, что лежит выше — моложе.

В *периодизации* на первый план выступает собственно *историческое время*, выражающее некие качественные изменения самого исторического процесса. Эти различия отражаются в «этапах», «стадиях», «ступенях» и пр., выделяемых для тех или иных человеческих сообществ или для человечества в целом. В археологии, особенно в палеолитоведении, эти две категории часто смешиваются. Существует два основных варианта такого рода смешений.

К первому варианту относятся многочисленные, вновь и вновь возобновляющиеся предложения проводить границу между теми или иными археологическими периодами строго по геолого-стратиграфическим критериям. Общеизвестный, но далеко не единственный пример такого рода — проведение границы между палеолитом-мезолитом по рубежу плейстоцен-голоцен. В качестве одного из последних примеров такого рода Л. С. Клейн привел взгляды В. А. Ранова, согласно которым периодизация должна базироваться на «геологической стратификации, абсолютной хронологии, технико-типологических данных, первичном материале (в отдельных случаях) и некоторых других моментах», причем приоритет остается за геологией и радиометрическими датировками.

Ко второму варианту смешения понятий я отношу попытки при- дать ступеням относительной хронологии периодизационное значение (без должных на то оснований). Это отождествление периодизации и относительной хронологии имеет солидную традицию, восходящую к самому О. Монтелиусу. Приведу и совсем недавний пример из самой близкой мне области — археологии палеолита Костенковско-Борщевского района. А. А. Сеницын совершенно справедливо отметил, что А. Н. Рогачев при участии геологов М. Н. Грищенко, Г. И. Лазукова, А. А. Величко создал хроностратиграфическую схему района. В соответствии с ней стоянки были разделены сперва на четыре, а потом на три хронологические группы. То есть была разработана относительная хронология памятников данного региона. Не более и не менее.

А вот для А. А. Сеницына эта самая хроностратиграфическая схема явилась базой для трехчленной *периодизации* палеолита Костенковско-Борщевского района. Но дело-то в том, что сам А. Н. Рогачев изначально трактовал три упомянутые хронологические группы как исключительно *хронологические* дефиниции (первоначально — ступени относительной хронологии). *Периодизация* же строилась им по иным, *археологическим* критериям. В частности, две нижние (древние) хронологические группы (I и II) неизменно рассматривались Рогачевым как *одна периодизационная единица*: ранняя пора верхнего палеолита (РВП). Я и по сей день согласен с такой трактовкой.

С другой стороны, в качестве особых *периодизационных единиц* я выделяю в Костенках «ориньякский эпизод», прослеживаемый там на рубеже II и III хронологических групп, и два этапа существования Днепро-Донской историко-культурной области (ИКО). Кстати, эти последние этапы имеют значение для всей зоны распространения данной ИКО. Тем не менее, в Костенковско-Борщевском районе они относятся к одной и той же III хронологической группе.

Все описанные варианты путаницы понятий возникают еще и потому, что категории «хронология» и «периодизация», хотя и качественно различны, но в то же время взаимосвязаны. Без хорошей хронологии периодизационные построения неизбежно спекулятивны. Ведь в этом случае нельзя доказать, что качественные различия диахронны и выражают течение исторического процесса, а не синхронны и не обусловлены культурной вариабельностью.

Следует помнить и другое. Надежно установленная принадлежность каких-либо культурно-исторических явлений к одной периодизационной ступени не является гарантом их синхронности (это «общее место» в методологии истории, выражающееся в тезисе о неравномерности истори-

ческого развития). Тем не менее, данное обстоятельство нельзя абсолютизировать. Если бы между периодизационными ступенями исторического процесса и его хронологией не существовало определенного соответствия (конечно, не однозначного, но прослеживаемого в общем и целом), то и само построение периодизации было бы бессмысленным: что бы она в таком случае выражала и чем бы проверялась?

По меньшей мере, с эпохи бронзы хронология событий и процессов более или менее успешно соотносится с календарным временем. Иными словами — внешней шкалой, на которую проецируются эти события и процессы, выступает *астрономическое время*. В идеале к этому стремятся и хронологические построения предшествующих периодов каменного века. Однако там дело обстоит сложнее, особенно в том, что касается палеолита.

По самой природе палеолитических памятников их относительная хронология определяется в первую очередь приуроченностью культурных слоев к определенным литологическим горизонтам. Чтобы сделать ее «абсолютной» — требуется соотнесение этих горизонтов с той или иной обобщающей геолого-стратиграфической схемой, коррелирующейся с радиометрическими датировками. А уже эти датировки, по договоренности, ассоциируются с современным календарным временем. Иными словами, внешняя временная шкала, на которую проецируются явления и процессы, изучаемые археологией палеолита, есть не что иное, как геологическое (а не астрономическое) время.

4. Некоторые проблемы археологической периодизации: археологические эпохи

Из сказанного в предыдущем пункте следует, что любая археологическая периодизация является разновидностью исторической периодизации, — но лишь постольку, поскольку источниковедение является неотъемлемой частью процесса социо-исторического познания. В той же мере, в какой источниковедение является комплексом самостоятельных дисциплин (пусть относительно самостоятельных), она обязана быть именно археологической периодизацией. То есть она должна строиться именно по археологическим критериям, а не по социально-экономическим или каким-либо иным.

Коренной методологической ошибкой, характерной не только для археологии, является представление о том, что в историческом познании возможна лишь одна «единственно правильная» периодизация. Все же остальные либо ей тождественны, либо ошибочны, либо, в лучшем случае, имеют сугубо вспомогательный характер.

Л. С. Клейн хорошо показал, что подобные взгляды отнюдь не являлись прерогативой исключительно советской археологии. Но, разумеется, в советский период, когда в общественно-исторических науках допущалась только одна «единственно верная» философская основа — исторический материализм, — такие воззрения абсолютно господствовали. Единственно правильной периодизацией, отражающей базовые законы исторического развития, признавалось членение исторического процесса по общественно-экономическим формациям. Советским археологам приходилось буквально «выворачиваться наизнанку» в тщетных попытках однозначно увязать «свои» периоды с формационным членением исторического процесса. В конечном счете все сводилось к чисто спекулятивным параллелям между периодизацией Морган-Энгельса и многократно преобразованной «системой трех веков».

Сейчас едва ли есть необходимость доказывать, что в общественно-исторических дисциплинах может быть сколько угодно периодизаций. Определяются они и мировоззренческими (философскими) установками, и методологическими взглядами исследователя, и конкретными задачами исследования. Уровень и характер таких периодизаций, конечно, не одинаков в силу разнообразия целей и задач. Но их «правильность» (научная корректность) определяется не соответствием тому или иному философскому учению, а чисто научными принципами построения классификаций. Л. С. Клейн убедительно доказал, что любая периодизация — это прежде всего разновидность классификаций. Да, периодизаций может быть сколько угодно много, но из этого не следует, что каждую из них исследователь вправе строить по наитию, забывая о логике и, в частности, о правилах деления объема понятий. Сказанное в полной мере относится и к археологическим периодизациям как разновидности исторических периодизаций.

Теперь коснемся проблемы периодизации наиболее общего («высшего») уровня, претендующей на универсальность. Ее подразделения в отечественной литературе обычно определяются термином «эпоха». Связь такой периодизации с «системой трех веков» очевидна, причем и я, и Л. С. Клейн отмечали: хотя сама эта «система» устарела еще в XIX веке (что наглядно проявилось в дроблении ячеек «каменного века»), но определяющий ее «технологический» принцип построения сохраняет свое значение и по сей день. Основываясь на этом принципе, я попытался предложить единый критерий выделения если не всех, то хотя бы большинства археологических эпох. Таковым является *массовое внедрение в человеческую практику качественно нового материала, который в предшествующие эпохи либо не употреблялся вовсе, либо использовался sporadически и примитивно, неадекватно своим технологическим возможностям.*

С этой точки зрения верхний (поздний) палеолит — «эпоха кости». Неолит — «эпоха керамики», далее следуют эпоха бронзы и эпоха железа. А если продолжать применять к позднейшей истории человечества этот самый археологический критерий, то с конца XIX в. наступает новая эпоха — синтетических материалов. В то же время мезолит и энеолит утрачивают значение археологических эпох. Впрочем, и в этом случае они остаются важными периодизационными подразделениями: «мезолит» завершает собой верхнепалеолитическую эпоху, а энеолит, вероятно, начинается эпоху бронзы. Как видим, предлагаемая упорядоченность существующей схемы не несет ни потерь, ни радикальных перемен.

Долгое время мне было неясно, можно ли применить указанный критерий (массовое внедрение в человеческую практику принципиально нового материала) к огромному отрезку времени, предшествующему началу эпохи кости (верхнего или позднего палеолита). В конце концов, я пришел к такому выводу. С археологической точки зрения, начало истории человечества не может определяться появлением первых оббитых галек и отщепов или, тем паче, остатков предполагаемых древнейших жилищ. Так называемая «орудийная деятельность», не говоря уже о «домостроительстве», прекрасно известна в животном мире — и отнюдь не только у высших приматов.

Черта, очень резко отделяющая человека от животного, пролегает в иной области. Это освоение огня, приручение «красного цветка», наводящего ужас на всех без исключения представителей животного царства. Древнейшие следы использования огня — это и есть археологический критерий начала человеческой истории.

Есть ли возможность более подробно расчленить гигантский период раннего-среднего палеолита, не нарушая при этом правила деления объема понятий? Начало этого периода положено освоением огня. Конец его — наступление «эпохи кости». Сразу отмечу: в этих рамках нет никаких объективных данных для применения предложенного мною критерия, разграничивающего археологические эпохи. На практике для отделения среднего палеолита от раннего археологи применяют другой критерий — технологический. Чаще всего им служит возникновение леваллуазской техники скола.

Во избежание нарушения правил деления объема понятий ранний и средний палеолит можно рассматривать как единое целое, противопоставляемое всей совокупности последующих эпох. Эти две дефиниции можно разграничить по критерию отсутствия/наличия развитой изобразительной деятельности и обозначить термином «эра». Впрочем, здесь мы уже вступаем в область схоластики, едва ли имеющей значение для конкретной археологической практики.

Как бы то ни было, на уровне эпох предлагаемая мной периодизация более или менее универсальна. Последовательно применяя предложенный критерий, мы убедимся, что многие явления, кажущиеся исключением, «забеганием вперед», в действительности подпадают под общее правило. Так, например, раннее появление высокоразвитой обработки кости в Южной и Центральной Африке означает лишь то, что там верхний палеолит начинается как минимум на 50 тыс. лет раньше, чем в Евразии. Хотя по устоявшейся традиции все это причисляется к африканскому «среднему палеолиту». С другой стороны, появление керамической посуды в позднплейстоценовых культурах Японии и Дальнего Востока свидетельствует, соответственно, о раннем возникновении на данной территории неолита («эпохи керамики»).

Подведем итог. Преимущества предложенной периодизации я вижу: во-первых, в ее связи с традицией, восходящей к «системе трех веков»; во-вторых, в логике, определяющей внутреннюю целостность; в-третьих, в относительной универсальности (за редкими исключениями, она охватывает всю Ойкумену и значительную часть истории человечества).

Возможны ли иные принципы построения археологических периодизаций? Безусловно, возможны, — например, по критерию совершенствования техники скола. Однако такая периодизация значительно менее универсальна. Даже в пределах «каменного века», за рамками которого этот критерий вообще утрачивает значение, его действие имеет не всеобщий, а культурно-региональный характер. Вот один из последних примеров. По мнению Я. Козловского и М. Отта, средний палеолит характеризуется техникой скола с подготовленного ядрища (леваллуазская техника), а верхний — техникой производства стандартных пластин. Отмечается уменьшение размеров заготовок, трактуемое как прогресс. Но в действительности предложенные критерии слишком узки даже для разграничения двух упомянутых эпох.

Во-первых, не секрет, что пластинчатые индустрии есть и в среднем палеолите. С другой стороны, существует целый ряд верхнепалеолитических индустрий (в Восточной Европе это Брынзены I/III, три слоя Куличивки), где призматическая пластинчатая техника прекрасно уживается с леваллуазской в ее «классическом» виде. Наконец, и в среднем палеолите (т. н. «микок» в широком смысле), и в верхнем (стрелецкая, городцовская археологические культуры) есть индустрии, которые нельзя однозначно связать ни с леваллуазской, ни с призматической техникой скола. Точно так же невозможно считать всеобщим явлением уменьшение размера заготовок при переходе к верхнему палеолиту. Например,

массивные пластины верхнепалеолитических куличивских индустрий ничуть не уступают среднепалеолитическим стандартам. Не прослеживается уменьшение заготовок и в тех редчайших случаях, когда между средним и верхним палеолитом удается установить, хотя бы гипотетически, конкретные культурно-генетические связи (например, между «крымским микоком» и стрелецкой АК).

Некоторые археологи предлагают разграничивать археологические эпохи не по одному признаку, а по целому их комплексу. Однако при таком подходе утрачивается единство основания, по которому должна строиться классификация/периодизация. Сопоставляются только две соседние эпохи; логичность и целостность всей периодизации утрачивается. К тому же как определить критерий отбора комплекса признаков? То, что еще недавно казалось незыблемым, в ходе развития науки перестает быть таковым. Так, например, сейчас уже не приходится говорить об однозначной связи *Homo sapiens* с верхнепалеолитической культурой. Возникновение производящего хозяйства в разных регионах связывается с разными археологическими эпохами и т. д.

Несостоятельны и упреки в том, что разделение археологических эпох по единому критерию ведет к «упрощенчеству» и «схематизму». Да, *любая* историческая периодизация, более того, — *любая* форма научного знания является по самой своей природе редуционной, то есть упрощенной и схематичной по отношению к «живой» действительности. «Суха теория, мой друг, но древо жизни пышно зеленеет». Однако ничто не мешает археологу, выделив эпохи по единому критерию, далее характеризовать каждую из них уже более подробно — и по самым различным критериям. Тогда-то и выяснится, что в разных частях Ойкумены археологические эпохи возникают в разное время, а кое-где та или иная эпоха может и вовсе «выпасть», — хотя, впрочем, исключения такого рода все же редки. И отпадет всякая необходимость в терминах типа «эпипалеолит», «докерамический неолит» и тому подобное. В первом случае будет достаточно указать на несовпадение региональных периодизаций в рамках верхнепалеолитической эпохи, а во втором — отметить, что в разных регионах становление производящего хозяйства происходило в разные археологические периоды.

Рекомендуемая литература

Аникович М. В. К определению понятия «археологическая эпоха» // Росс. археология. 1992. № 1. С. 85–94.

Аникович М. В. Основные принципы хронологии и периодизации верхнего палеолита Европы // Археол. вестник. 1994. № 3. С. 144–157.

Аникович М. В. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // *Stratum plus*. 2005. № 1 (2003–2004). В эпоху мамонтов. С. 487–505.

Григорьев Г. П. Эпохи палеолита как показатель развития // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л., 1988. С. 13–15.

Клейн Л. С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // *Stratum plus*. Время последних неандертальцев. Кишинев, 2000. С. 485–515.

Ранов В. А. О соотношении хронологии и периодизации палеолита // Проблемы исследования каменного века Евразии. Красноярск, 1984. С. 41–43.

Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы / Под ред. А. А. Синицына, Н. Д. Праслова. СПб., 1997.

ЛЕКЦИЯ 3

«Конкретно-исторический подход» и его приложение в палеолитоведении

5. Конкретно-исторический подход

Я уже упоминал, что историческое познание, будучи, в общем, единым процессом, логически подразделяется на три основных ступени: источниковедческую, конкретно-историческую и социологическую. Археология в узком смысле слова относится к базовой источниковедческой ступени. Еще раз подчеркну: из этого вовсе не следует, что археолог обязан ограничивать себя исключительно источниковедческой деятельностью. Да, может, но отнюдь не обязан.

На практике историк, занимающийся теми или иными конкретно-историческими проблемами, просто вынужден быть одновременно и источниковедом. В противном случае это просто плохой историк. Не исследователь, а переписчик чужих мнений. Таким образом, в письменной истории неразрывность первой и второй ступени самоочевидна. А как же обстоит дело в археологии, и в особенности в интересующей нас археологии палеолита?

Здесь ничего самоочевидного нет. Для того чтобы включить палеолитоведение и шире — всю археологию каменного века в круг общественно-исторических дисциплин, необходима специальная, весьма сложная работа: методологическое обоснование, разработка соответствующей системы понятий и адекватных методов исследования вещественных источников.

Общеметодологическое обоснование необходимости включения палеолитоведения в сферу исторического познания было дано А. Н. Рогачевым через понятие «конкретно-исторический подход».

В археологической литературе в трактовке этого понятия скопилось довольно много недоразумений и противоречий. Так, долгое время считалось, что сам А. Н. Рогачев так и не потрудился объяснить коллегам, что же это такое — конкретно-исторический подход. Известны историографические работы, в которых этот термин приписывается кому угодно — но только не А. Н. Рогачеву. Наконец, в одной из статей, посвященных этому вопросу, весьма запутанные воззрения самого автора (А. А. Синицына) совершенно необоснованно приписываются А. Н. Рогачеву и его оппонентам. Впрочем, все это более или менее подробно разобрано мною ранее — в статье, входящей в список рекомендованной литературы.

На деле в самом понятии «конкретно-исторический подход» нет ничего особо мудреного или малопонятного. Это всего лишь общеметодологи-

ческое требование, реализуемое на второй ступени исторического познания: *рассматривать предмет в его конкретных пространственных, временных и культурно-исторических (социальных) границах.*

В «письменной» истории он реализуется естественным путем, как нечто само собой разумеющееся: «история средневековой Франции», «история пореформенной России», «история Второй мировой войны», «история КПСС», «история НСПГ» и т. п. Все три параметра заданы изначально, они лишь уточняются в процессе исследования. То же самое можно сказать и о разделах археологии, изучающей соответствующие периоды и социумы («античная археология», «археология древнего Востока», «археология древней Руси» и проч.). Но как быть с первобытной археологией, сталкивающейся с периодами, от которых не осталось ничего, кроме культурных остатков и их контекста? С конкретными пространственно-временными границами здесь имеется хотя бы относительная определенность. Но как быть с границами социальными, культурно-историческими?

Заслугой А. Н. Рогачева является то, что именно он перенес этот общеметодологический принцип на первобытное прошлое, включая палеолит. Перенес не голословно, но доказал на практике возможность и необходимость реализации культурно-исторического подхода и для столь отдаленных эпох. Это было сложной, на первый взгляд почти невыполнимой задачей.

В советском палеолитоведении 1930–40-х годов безраздельно господствовал принципиально иной, стадиальный подход (стадиальная концепция, стадиализм). Согласно этой концепции, процесс развития техники обработки камня и формы орудий совершается как бы вне истории определенных обществ, предстает единым для всего человечества. Конкретные этапы этого процесса были, в сущности, позаимствованы из французской схемы Мортилье–Брейля, отождествлены (совершенно бездоказательно) — с известными этапами социологической схемы Моргана–Энгельса и вдобавок украшены марксистской фразеологией.

В смене этих якобы единых для всего первобытного человечества этапов развития значительная роль отводилась изменениям природной среды. Возникнув на рубеже 1920–30-х годов, данная концепция претерпела потом некоторые изменения. Но основой ее всегда оставалось представление о том, что *всеобщие закономерности развития техники уже априорно установлены* в советском палеолитоведении и напрямую связаны с закономерностями социально-экономического развития. Вот этой-то концепции и противопоставлял А. Н. Рогачев свой «конкретно-исторический подход».

В 1950–60-х годах между А. Н. Рогачевым и его оппонентами (в первую очередь П. П. Ефименко и П. И. Борисковским) развернулась ожесточенная полемика. А. Н. Рогачев упрекал своих оппонентов в «социологическом схематизме», справедливо связывая последний с «марризмом», а те, в свою очередь, обвиняли его в отрицании «общих закономерностей последовательного развития палеолитической техники и культуры», а иногда и в отрицании общих законов исторического развития как таковых.

Конечно же, о таком А. Н. Рогачев даже не помышлял. Он до конца своих дней оставался самым убежденным марксистом. Не отрицал он и заслуг советской социологической школы исследователей палеолита. Но Рогачев непримиримо выступал против издержек т.н. «социологического схематизма», против попыток создать «историю первобытного общества» без конкретной истории, как описание некоего единого всемирно-исторического процесса с единими стадиями развития, заданными априорно, без учета конкретно-исторических характеристик. По его глубочайшему убеждению, *полноценные социологические обобщения могли быть сделаны только на фундаменте конкретно-исторических исследований*. И именно в этом я вижу существо и принципиальную правоту взглядов моего учителя.

С этим же связано не вполне адекватное, на мой взгляд, представление А. Н. Рогачева о первобытной археологии как о «конкретно-исторической науке», противопоставляемой другим разделам археологии, рассматриваемым как «вспомогательные исторические дисциплины». В основе такого утверждения лежало одно: реализовать конкретно-исторический подход на практике в первобытной археологии может только сам археолог, в совершенстве владеющий своими источниками. А так называемый «историк первобытного общества», пришедший со стороны, этими источниками не владеет.

Спорить тут не с чем. Все именно так. Однако напомним: точно такая же ситуация наблюдается и в письменной истории. Хороший историк обязан опираться в своих выводах не на некие общие положения, а на интерпретацию фактов, то есть владеть своими источниками, быть одновременно профессиональным источниковедом. Это обстоятельство отнюдь не отменяет логического подразделения исторического познания на источниковедческую и конкретно-историческую ступени.

Итак, в первобытной археологии построение конкретно-исторических реконструкций вменяется в обязанность самим археологам. Но возможны ли в принципе такие реконструкции? А. Н. Рогачев и его последователи считали и считают: да, возможны. Задача сложна, но в принципе выполнима. Для ее решения требуется навести порядок в нашем понятийном

аппарате, избавиться от некоторых весьма распространенных предрассудков. Ревизия понятийного аппарата неизбежно потребует ревизии методики анализа археологических источников.

Коротко говоря, задачи археологии как источниковедческой дисциплины невозможно решать, оставаясь в рамках «чисто археологических» понятий и методов, без обращения к языку, принятому в общественно-исторических дисциплинах второго и даже третьего уровней. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

6. Понятия-интеграторы

Влияние методологических установок на понятийный аппарат и методику анализа заметно уже с самого начала реализации принципов конкретно-исторического подхода.

А. Н. Рогачев прекрасно понимал, что без возможности установления каких-либо культурно-исторических (социальных) единиц прошлого археологическими методами о реализации этого принципа не может быть и речи. Отсюда и проистекало его особое внимание к *археологическим культурам*, отражавшим, по его мнению, «этнографические особенности», присущие «определенным социальным организациям» первобытности.

То же самое можно сказать и о методах. И сам А. Н. Рогачев, и его оппоненты вынуждены были применять к каменным орудиям приемы типологического анализа, хотя по традиции, идущей от 30-х годов, относились к нему весьма сдержанно. Во всяком случае, специальных, детализированных типологических разработок ими не предлагалось. Тем не менее сам конкретно-исторический подход неизбежно требовал более тонких типологических методик, что и отразилось в работах этих исследователей. Так, например, для обоснования принадлежности памятника к «среднему этапу развития верхнепалеолитической культуры и техники» стадиалисту П. И. Борисковскому было достаточно простого *наличия* в инвентаре двусторонне обработанных острий. А вот А. Н. Рогачеву для обоснования «этнографического своеобразия» регионов и конкретных археологических культур требовалось сравнивать уже *конкретные формы* тех же двусторонне обработанных листовидных острий. На этом основании (наличие треугольных наконечников с вогнутым основанием, неизвестных в селете Центральной Европы), им была выделена восточноевропейская костенковско-стрелецкая археологическая культура.

А. А. Сеницын считает, что конкретно-исторический подход А. Н. Рогачева изначально противопоставлялся некоему «культурно-историческому подходу», якобы развивавшемуся его оппонентами П. П. Ефименко и П. И. Борисковским. Однако уже из сказанного следует, что у А. Н. Ро-

гачева термины «конкретно-исторический» и «культурно-исторический» выступают не как нечто диаметрально противоположное, а скорее как синонимы. Анализируя *только* археологические источники, не дополненные письменными, на конкретно-исторический уровень исследования можно выйти лишь через свойства, присущие *культуре*. Поэтому последователи А. Н. Рогачева, к которым я причисляю и себя, продолжают развивать и углублять это направление. Познакомимся с некоторыми результатами.

Для того чтобы информация, извлеченная при источниковедческой работе археолога, согласовалась в конечном счете с языком историка, необходимо соответствующим образом организовать и систему понятий, и аналитическую работу. Необходимы *понятия-интеграторы*, не имеющие статуса «чисто археологических», но широко применяемые в археологической практике. Таких понятий великое множество: «культура», «традиция», «стиль», «орудие», «жилище», «техника», «изобразительная деятельность» и т. д., и т. п.; список можно расширять и расширять. Они применялись, применяются и будут применяться в археологической работе, зачастую интуитивно и бессистемно. Но как бы ни стремились наши «пуристы» доказать, что, к примеру, «археологическое» жилище есть совсем не то, что жилище «этнографическое», — смысл их употребления состоит именно в установлении *связей* между разными общественно-историческими дисциплинами, в реализации единства исторического познания.

Но для перехода от первой, источниковедческой ступени исследования ко второй, конкретно-исторической, упомянутых выше понятий-интеграторов, просто заимствованных из чужих дисциплин, археологу недостаточно. Необходимо, чтобы важнейшие выводы и обобщения, являющиеся итогом «чисто археологической» работы, были сформулированы на языке, употребляемом на втором уровне исторического познания. Иными словами, важнейшие обобщающие археологические понятия должны сами выступить в роли понятий-интеграторов.

До сих пор куда более распространен прямо противоположный подход, требующий определять археологические дефиниции «строго археологически». Предполагается, что потом эти «строго археологические» дефиниции можно будет соотнести с определенными культурно-историческими явлениями. Но практика показывает: такое «потом» никогда не наступает. И это не случайно: все археологические обобщения базируются на установлении сходств / различий между археологическими источниками, а те, в свою очередь, основываются на анализе признаков. Но эти сходства и различия чрезвычайно многообразны. Где же мера, позволяющая отделить существенное от несущественного?

В рамках «чистой» археологии ее можно задать лишь условно: догворившись о том, что такой-то процент сходства определяет археологическую культуру, а такой-то — технокомплекс. Да, на этом пути можно в лучшем случае лишь «договориться» о различных допусках в разграничении подобных дефиниций.

Только обратившись к понятиям, употребляемым в более развитых общественно-исторических дисциплинах, и определив тем самым, *какого рода* сходство мы стремимся установить, анализируя археологический материал, мы получаем возможность разрабатывать соответствующие методики, разграничивая дефиниции уж не «по соглашению», а обосновывая это разграничение и методологически (через определения), и методически (через адекватные этим определениям археологические процедуры).

Разумеется, на таком пути возможны и ошибки. Можно неверно определить само «понятие-интегратор», — в этом случае выясняется невозможность обосновать ошибочное определение методически; оно существует как бы «само по себе», независимое от археологической процедуры и не способное на нее повлиять. Так, «этническая версия» определения археологической культуры плоха вовсе не потому, что не является «чисто археологической», но лишь в силу того, что невозможно предложить методику, которая позволила бы доказательно устанавливать по археологическим данным такие важнейшие свойства этноса, как единство языка и этнического самосознания.

Здесь на помощь и должны прийти «понятия-интеграторы». О трех таких понятиях пойдет речь в следующих разделах.

7. Археологическая культура

Еще сравнительно недавно археологическая культура (АК) представлялась многим исследователям «основополагающим, фундаментальным понятием археологической науки». Так, во всяком случае, считалось 20–25 лет назад. Однако ни тогда, ни теперь среди тех, кто использует это понятие в своих работах, нет единства взглядов относительно его содержания, способов выделения, исторической интерпретации. Моя точка зрения по этому вопросу подробно изложена в печати. Вкратце она состоит в следующем.

Археологическая культура (АК) есть система традиций, выработанных в определенных социальных группах под влиянием определенных исторических условий, нашедшая свое материальное выражение в тех результатах человеческой деятельности, которые смогли стать археологическими источниками, и раскрываемая посредством анализа этих источников.

Такое определение лишь более четко указывает на то, что и подразумевалось изначально, на интуитивном уровне, при введении этого понятия. При этом из такого определения вытекает ряд принципов выделения археологических культур — в том числе и таких, что призваны ревизовать некоторые устоявшиеся представления.

Естественно, традиции раскрываются в специфических сторонах и явлениях различных сфер человеческой деятельности; в том числе (но не исключительно!) и в специфических формах предметов — *типах*. АК — динамическая система. Чтобы зафиксировать ее изменения и одновременно — ее стабильность, устойчивость, важно не только отметить ее специфические характеристики как дискретные единицы, но установить связи между ними, воссоздать структуру. АК невозможно выделить без определения «культурного фона»: иных систем традиций, «оттеняющих» рассматриваемую АК. При этом важно убедиться в том, что выделяемая культура проявляет свою специфику не только на фоне резко отличных традиций (это нетрудно сделать), но и при сравнении с материалами, обладающими определенным сходством, например, относящимся к одному *технокомплексу* (см. ниже).

Особо отмечу моменты, которые могут показаться моим коллегам по меньшей мере необычными. *Однокультурность* одной стоянки еще недавно считалась чем-то само собой разумеющимся. А так ли это? По крайней мере, на поселениях более позднего возраста (эпоха железа, средневековье), да и на целом ряде этнографически известных поселений вполне могут фиксироваться различные культурные традиции — в разных категориях материала или на разных участках.

В ряде случаев нечто подобное можно «нащупать» и в палеолитических материалах. Разные культурные традиции дают о себе знать на одних и тех же стоянках — иногда в разных видах источников (например, в каменном инвентаре и в костяных украшениях), иногда в рамках одной категории источников (том же каменном инвентаре), сосредоточенных в разных местах поселения (например, в разных жилищах). Такие случаи были зафиксированы на стоянках Костенки 21 / III и Костенки 8 / II. Вполне вероятно, что примеров подобного рода мы знали бы гораздо больше, если бы их обнаружению не мешала предвзятая установка: материалы одного памятника должны быть однокультурными, и никак иначе!

И второе: вопреки очень распространенному мнению, верхнепалеолитическая АК вовсе не обязательно должна быть *локальной АК*! Ей не присуще единство территории. Для нее очень редко можно установить более или менее узкие хронологические границы. Когда мне говорят: «В верхнем палеолите не было локальных культур», я могу только согласиться. Да, не

было! Но если после этого мне говорят: «Значит, в верхнем палеолите нельзя выделять археологические культуры...» я отвечаю: «Неверно!»

При устойчивости и замкнутости культурных традиций они могли очень долго сохраняться в коллективах, в процессе расселения удалившихся друг от друга на сотни и тысячи лет и на сотни и тысячи километров. *Для археологических культур эпохи верхнего палеолита это является правилом.* И это надо принять как данность, как факт, а уж потом искать ему объяснения.

Так, например, костенковско-стрелецкая культура существовала не менее 10 тыс. лет! Ее памятники распространены от Северского Донца на юге до Клязьмы и Камы на севере. Памятники виллендорфско-костенковской культуры распространены от Среднего Дуная до бассейна Оки с разницей во времени не менее 6–7 тыс. лет, а, скорее всего, много более. Но сразу отмечу: в более поздние периоды истории человечества и ареал распространения, и особенно сроки существования АК заметно сокращаются.

В конце 1960-х и 1970-е годы в советском палеолитоведении археологические культуры выделялись повсеместно, едва ли не в каждой кандидатской диссертации. Дело доходило даже до выделения ашельских АК, не говоря уже о мустьерских. Сейчас иная тенденция. Становится «хорошим тоном» не употреблять этот термин или даже отрицать саму правомочность выделения археологических культур в верхнем палеолите. Правда, это направление столь же малоубедительно, как и бывшее нагромождение поспешно выделенных «археологических культур».

Украинский археолог А. П. Черныш, один из самых непримиримых противников выделения культур в палеолите, неоднократно подчеркивал в своих работах, что все это — не более чем преходящая мода. В некотором отношении он прав: любая мода преходяща. Позавчера было модно распределять памятники по стадиям и ступеням — и даже датировать на этом основании геологические слои. Вчера стало модным выделять АК, даже в ашеле, сегодня — их отрицать. Завтра войдет в моду что-нибудь еще. Но и позавчера, и вчера, и сегодня остаются научные проблемы.

В «чисто археологическом» (то есть источниковедческом) контексте — проблема состоит в установлении и дифференциации сходств/различий археологических материалов. Конечно, она не сводится ни к установлению общезначимых «ступеней», ни к выделению обособленных «культур». В конкретно-историческом плане это прежде всего задача, стоящая перед всей преисторией, изучающей дописьменное прошлое: *воссоздание древних социальных границ (древних социумов) на основе анализа археологических источников.*

От этой проблематики не отмахнуться, от нее не укрыться за наспех придуманными «новыми» терминами. Ее нужно разрабатывать. И в этом смысле понятие «археологическая культура» действительно является основополагающим (хотя, разумеется, не единственным) для всей первобытной археологии, включая и археологию верхнего палеолита. Его особая роль определяется следующими моментами.

- Только через АК как систему традиций мы получаем хоть какие-то представления о реальных социумах дописьменной истории. Причем уже сейчас можно сделать вывод: *в эпоху верхнего палеолита эти социумы заметно отличались от всех форм общностей, выделяемых в этнографии*. Это было нечто совершенно особое.

- Без представления об АК невозможно даже поставить вопрос о миграциях и культурных контактах, а, следовательно, и о процессах заселения разных регионов. Пример: вопрос о «сибирских» или «европейских» корнях стоянки Талицкого ставился неоднократно. Но в большинстве случаев он ставился в такой плоскости, что ответить на него было невозможно. Приводимые черты сходства, как правило, отражали уровень *технокомплекса*, а не АК, т. е. могли возникать в разных регионах самопроизвольно.

- Через *смену культурных традиций* (хотя и не только через нее) выражаются наши представления об *этапах* верхнепалеолитической эпохи в разных регионах.

- Крупномасштабные региональные различия также выражаются в основном через различия культурных традиций. Так, общие характеристики ранней поры верхнего палеолита (сочетание архаичных и развитых культур) едины для всей Европы. Но *конкретные культурные традиции* (АК) в разных регионах различны.

- Наконец, существуют еще более масштабные различия, касающиеся разных континентов. Во многом они определяются разным «поведением» культурных традиций. Культурные различия более резки и заметны в «классическом» верхнем палеолите Европы и значительно более «расплывчаты» в верхнем палеолите Северной Азии, Австралии, палеоиндейских культурах Америки. Возможно, различия эти объясняются разной степенью заселенности континентов при продвижении туда носителей разных культур.

8. Технокомплекс

Однако задачи первобытной археологии отнюдь не ограничиваются выделением археологических культур. Это лишь отправная ступень. Для рассмотрения культур в более широком контексте, для выявления

закономерностей более общего порядка необходимо выявить и проанализировать сходства/различия иного характера, выражающиеся в иных понятиях. В середине 1960-х годов практически одновременно и независимо друг от друга попытки сформулировать такого рода понятия были предприняты в нашей стране Г. П. Григорьевым («путь развития») и в Великобритании Д. Кларком («технокомплекс»).

На мой взгляд, и Д. Кларк, и Г. П. Григорьев имели в виду примерно один уровень сходства. Только Григорьев конкретизировал его, исходя из своих представлений о мустьерской эпохе, а Д. Кларк, вообще далекий от палеолитоведения, сформулировал свое, предельно обобщенное определение, отталкиваясь от знаний о более поздних периодах человеческой истории.

Археологами давно подмечено, что многие верхнепалеолитические индустрии, явно не связанные культурно-генетическим родством, распространенные на очень широкой территории, тем не менее, обладают сходством, трудно поддающимся описанию в строгих терминах, но явственно улавливаемому на интуитивном уровне. В отечественной литературе это обычно выражается в таких терминах, как «ориньякоидность», «селетоидность», «граветтоидность». Чтобы вывести эти дефиниции на понятийный уровень, не «изобретая велосипеда», можно использовать или тот, или другой из вышеназванных терминов, но при этом скорректировать определение. Формулировку Д. Кларка стоит несколько сузить, сделать более конкретной, а описательное определение Г. П. Григорьева, напротив, сделать более емким и четким.

В принципе для меня оба этих термина выступают как синонимы применительно к верхнему палеолиту. Первоначально я предпочитал использовать термин «путь развития», но в конце концов стал употреблять «технокомплекс». Основные причины таковы. Термин «технокомплекс» уже давно используется в мировом палеолитоведении примерно в том же смысле, что и в моих работах (например, в трудах, посвященных граветтской проблеме; в статьях Я. Козловского и М. Отта). Кроме того, термин «путь развития» сам по себе неудачен применительно к сходству, которое он должен выражать. Едва ли можно говорить о каком бы то ни было «развитии» в пределах «типичного мустье» или «мустье с ашельской традицией».

Итак, для эпохи верхнего палеолита в понятии «технокомплекс» выражается сходство, обусловленное не культурно-генетическим родством, а известной ограниченностью технологии обработки камня, с одной стороны, и связью между применяемым комплексом приемов скола и формами орудий — с другой. Такое сходство возникает самопроизвольно,

в индустриях, которые могут быть чрезвычайно удалены друг от друга в пространстве и во времени, и не связанных между собой генетически (например, индустрии костенковско-стрелецкой культуры, солютрейские и палеоиндейские индустрии).

Таким образом, *технокомплекс (ТК)* — это относительно устойчивая система технологических приемов, порождающая сходные черты в составе орудийного набора, которые возникают и функционируют в широких пространственно-временных границах в разных культурно-исторических формах, не связанных между собой генетическим родством.

В верхнем палеолите Европы наиболее отчетливо выделяются три ТК: селетоидный, ориньякоидный, граветтоидный, к которым я добавил еще четвертый, афонтовский, более характерный для верхнего палеолита Сиверной Азии. Их характеристики даны в ряде моих работ.

В конкретных индустриях характеристики ТК далеко не всегда представлены в «чистом» виде. Во-первых, по всей вероятности, для палеолита возможно выделение и иных технокомплексов, помимо названных, хотя общее их число едва ли будет велико. Например, я не исключаю возможности выделить в самостоятельный технокомплекс так называемый «богунисьен», но этот вопрос требует особого разбора.

Во-вторых, сочетание в конкретных индустриях признаков, присущих разным ТК, может обуславливаться разными причинами: культурным влиянием (взаимодействием разных археологических культур, принадлежащих разным ТК) и культурной трансформацией («естественной» сменой культурных традиций, в результате которой меняются не только отдельные типы, но и основные культурные характеристики).

Такого рода случаи должны всякий раз анализироваться конкретно, на уровне понятия «археологическая культура». Оно само по себе направлено на выявление конкретных, исторически сложившихся культурно-генетических связей и отношений. Неправомочно, например, ставить вопрос о происхождении граветтоидного ТК «вообще»; эта проблема должна решаться отдельно не только для каждого региона (Западной, Центральной и Восточной Европы), но и для каждой конкретной археологической культуры.

9. Историко-культурная область

Понятие «историко-культурная область» (ИКО) было напрямую перенесено в археологию из этнографии. Там оно определяется следующим образом: «...историко-этнографическая или историко-культурная области — часть ойкумены, у населения которой в силу общности социально-

экономического развития, длительных связей и взаимного влияния складываются сходные культурно-бытовые (этнографические) особенности. Наиболее ясно особенности эти выступают обычно в материальной культуре — жилище, средствах передвижения, пище и утвари, одежде, обуви, головных уборах и т. п., — но охватывают также некоторые явления из области духовной культуры, в той или иной степени связанной с хозяйством и бытом» (Чебоксаров, Чебоксарова, 1985).

Применительно к археологии разница состоит лишь в том, что наша наука по характеру своих источников располагает куда меньшими возможностями для выделения ИКО, нежели этнография. «Археологические» ИКО по конкретному содержанию всегда будут беднее «этнографических». Для фиксации этих сугубо второстепенных различий достаточно договориться о том, что для характеристики одних и тех же явлений по археологическим данным предпочтительнее употреблять термин «историко-культурная область» (ИКО), а по этнографическим — «историко-этнографическая область» (ИЭО).

Таким образом, *историко-культурная область (ИКО) — это совокупность археологических культур и памятников, культурная принадлежность которых не определена или спорна,*

– существовавшая в более или менее строгих территориальных границах в пределах определенного отрезка времени, меньшего протяженности археологической эпохи,

– обладающая чертами культурного сходства, которые не совпадают или совпадают лишь частично с характеристиками АК данной территории, но которые отличают данную ИКО от ИКО, прослеженных на соседних территориях.

ИКО призвана отражать такие сходные явления человеческой деятельности, которые лишь частично проявляются в технико-типологических показателях. Можно предполагать (с большой долей вероятности): если АК, сосуществующие на одной территории, реально близки между собой, — то в основе этой близости должны лежать какие-то глубинные причины, не ограничивающиеся одной-единственной сферой изготовления каменных орудий. Поэтому для выделения ИКО можно (и должно) привлекать сходство в составе охотничьей добычи, в структурной организации стоянок, в признаках, свидетельствующих о продолжительности существования этих стоянок и т. п. В области анализа каменных изделий «черты культурного сходства» той или иной ИКО выражаются прежде всего такими характеристиками, которые, будучи «обязательными» при полном и всестороннем описании АК, не выражают, тем не менее, их конкретную специфику. Таковы общие особенности техники раскалывания,

«предпочтение» одних приемов вторичной обработки другим, определенное сочетание одних групп орудий при полном отсутствии других и т. п.

В выделении конкретных ИКО в палеолите Восточной Европы неоспоримый приоритет принадлежит П. И. Борисковскому, сформулировавшему еще в 1960-е годы положение о «степной зоне» — «особой области развития позднепалеолитической культуры, занимающей как бы промежуточное положение между европейской приледниковой областью и африкано-средиземноморской областью». В дальнейшем указанное положение П. И. Борисковского, с дополнениями и уточнениями, было принято рядом исследователей, — в том числе и постоянным его оппонентом А. Н. Рогачевым. В нашей совместной работе 1984 года мы попытались выделить на территории Русской равнины несколько своеобразных областей развития верхнепалеолитической культуры, существовавших едва ли не на всем протяжении верхнего палеолита. В дальнейшем это положение было несколько скорректировано.

Сейчас общие представления об историко-культурных областях верхнего палеолита Восточной Европы выглядят следующим образом. На данной территории можно с достаточной уверенностью выделять ИКО только во вторую половину верхнепалеолитической эпохи: в поздневалдайское время, приблизительно от 24–22 до 14–12 тыс. лет назад. Их три:

1) Юго-Западная область охотников на северных оленей, охватывающая среднее течение Прута и Днестра и распространяющаяся на Вольно-Подолію;

2) Южная область охотников на бизонов («степная зона» Борисковского), занимающая территорию Северного Причерноморья — Приазовья и нижнее течение Дона и Днепра, примерно до Днепровских порогов;

3) Центральная (Днепро-Донская) область охотников на мамонтов.

Каждая из трех ИКО характеризуется:

а) преобладающим объектом охоты, ярко выраженным в списках фауны и очевидно определяющим различия в моделях поведения;

б) своеобразными чертами в организации поселений и жилых объектов;

в) специфическими особенностями инвентаря, в том числе рядом общих и некоторыми частными технико-типологическими характеристиками производства каменных орудий;

г) особенностями культурно-исторического развития.

Более детальные характеристики даны в специальных статьях, приведенных в рекомендованной литературе.

Правомерность выделения ИКО в верхнем палеолите Восточной Европы была признана далеко не всеми отечественными палеолитоведами. Дис-

куссии по этому поводу ведутся с середины 1960-х годов. По моему мнению, эта дискуссия малопродуктивна. Методологической стороны вопроса она практически не коснулась, если не считать замечаний о «недопустимости» прямого переноса понятия из этнографии в археологию. Поскольку мои исходные установки в действительности совсем иные (см. положение о «понятиях-интеграторах»), такого рода замечания представляют собой не более чем констатацию соответствующих установок оппонента.

Спор ведется относительно правомерности выделения конкретных ИКО: Южной («степной») и Центральной (Днепро-Донской). К сожалению, здесь мои оппоненты пока не внесли в свою аргументацию ничего нового, по сравнению с критикой середины 1960-х. Эта критика в конечном счете сводилась к констатации того неоспоримого факта, что памятники, входящие в определенную ИКО, обладают довольно заметными различиями. Можно лишь пожалеть, что наши уважаемые оппоненты упорно игнорируют тот неоспоримый факт, что явления, различающиеся по одним критериям, могут быть объединены по другим. А ведь это одна из основополагающих методических установок даже не археологии как таковой, а научного познания вообще! Более детально с ходом дискуссии можно ознакомиться в рекомендуемой литературе.

Рекомендуемая литература

Аникович М. В. Археологическая культура: последствия определения понятия для процедуры археологического исследования // Сов. археология. 1989. № 4. С. 115–127.

Аникович М. В. Южная и Юго-Западная историко-культурные области Восточной Европы в позднем палеолите // Кр. сообщ. ин-та археол. 1992. № 206. С. 34–42.

Аникович М. В. Днепро-Донская историко-культурная область охотников на мамонтов: от «восточного граветта» к «восточному эпиграветту» // Восточный граветт. М., 1998. С. 35–60.

Аникович М. В. Некоторые методологические проблемы первобытной археологии и основные обобщающие понятия: «археологическая эпоха», «археологическая культура», «технокомплекс», «историко-культурная область» // Stratum plus. 2005. № 1 (2003–2004). В эпоху мамонтов. С. 487–505.

Аникович М. В. О «конкретно-историческом подходе» А. Н. Рогачева // Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. СПб., 2005. С. 33–48.

Аникович М. В. А. Н. Рогачев и «конкретно-исторический подход» в палеолитоведении // Росс. археология. № 4. С. 67–71.

Борисковский П. И. Проблема развития позднепалеолитической культурной степной области // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. М., 1970. Т. 5. С. 425–430.

Борисковский П. И. Критерии выделения позднепалеолитических историко-культурных областей (на примере степной зоны) // Проблемы культурной адаптации в эпоху верхнего палеолита. Л., 1989. С. 24–27.

Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днестра и Приазовья // Свод археологических источников. А1-5. М.; Л., 1964. С. 5–36.

Васильев С. А. Изучение палеолита в России: прошлое, настоящее и перспективы на будущее // *Stratum plus*. № 1 (2001–2002). Кишинев, 2004. С. 21–170.

Васильев С. А. Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН, 2008. 180 с.

Гвоздовер М. Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // Вопросы антропологии. 1967. № 27. С. 82–103.

Гиджраты Н. И. Об одном из возможных путей конкретного исторического подхода к первобытной археологии // Проблемы археологии Северной Осетии. Орджоникидзе, 1980. С. 5–18.

Григорьев Г. П. К различению признаков генетического родства, диффузии и синстадиальности // VII Международный конгресс доисториков и protoисториков. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966. С. 27–35.

Григорьева Г. В. К вопросу о существовании Днепро-Донской историко-культурной области // Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб., 2002. С. 63–67.

Демиденко Ю. Э. Сюрень-1 (Крым) и степная зона верхнего палеолита юга Восточной Европы // Каменный век Старого Света (к 90-летию П. И. Борисковского). СПб., 2001. С. 39–41.

Захарук Ю. Н. Археология или первобытная археология? (По поводу концепции первобытной археологии А. Н. Рогачева) // Кр. сообщ. ин-та археол. 1978. Вып. 152. С. 23–30.

Каменецкий И. С. Археологическая культура ее определение и интерпретация // Сов. археология. 1972. № 2. С. 18–36.

Рогачев А. Н. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М.: Наука, 1969. С. 181–195.

Рогачев А. Н. П. П. Ефименко и вопросы социологии первобытного общества (краткий историографический очерк) // Кр. сообщ. ин-та археол. 1972. Вып. 131. С. 5–10.

Рогачев А. Н. Каменные орудия как исторический источник // Кр. общ. ин-та археол. 1973. Вып. 137. С. 22–27.

Рогачев А. Н. О предмете и методе первобытной археологии // Кр. общ. ин-та археол. 1978. Вып. 152. С. 17–23.

Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР. Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 162–271.

Сапожников И. В. Причерноморские степи в позднем палеолите: природно-хозяйственная и культурная специфика // Сапожникова Г. В., Коробкова Г. Ф., Сапожников И. В. Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. Одесса; СПб., 1995. С. 149–176.

Синицын А. А. Конкретно-исторический подход А. Н. Рогачева. Современное состояние // Верхний палеолит верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб., 2002. С. 33–41.

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова Н. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985.

ЛЕКЦИЯ 4

Некоторые узловые вопросы палеолитоведения в свете обозначенных методологических установок

10. Эволюция как саморазвитие материи — так ли это бесспорно?

Теперь посмотрим на практике, как работает конкретно-исторический подход при анализе важнейших проблем палеолитоведения. Хочу предупредить заранее: я не буду вдаваться в детальные типологические характеристики конкретных археологических культур. Те, кто заинтересуются этими проблемами всерьез, смогут познакомиться с ними в рекомендованной литературе. Здесь же я ограничусь преимущественно общими положениями. Второй момент, на который я хотел бы обратить внимание: данная лекция — не изложение основ палеолитоведения. Будут затронуты лишь некоторые узловые проблемы, с упором на то, что многим до сих пор представляется устоявшимся и незыблемым, а, по моему мнению, является глубоко ошибочным.

Одной из наиболее устойчивых общеметодологических установок, относящихся не только к археологии, но и к миропониманию вообще, является представление об эволюции как о непрерывном прогрессе, непрерывном усложнении, происходящем спонтанно в процессе саморазвития материи: «материя развивается по спирали и вверх».

Но, применяя к этому постулату другой общеизвестный гносеологический принцип «практика есть критерий истины», мы оказываемся в весьма затруднительной ситуации. Вся беда в том, что никому, никогда, ни при каких обстоятельствах не доводилось *наблюдать* саморазвития материи от простого к сложному, от хаоса к порядку. Тому, кто в этом сомневается, я предлагаю поставить простой опыт: предоставить свой кабинет (или хотя бы рабочий стол!) «саморазвитию материи». Едва ли кто-нибудь усомнится: через недельку-другую придется со вздохом взять пылесос, влажную тряпку и внести в это саморазвитие духовное начало.

Тем же, кто не захочет ограничиться столь простым примером, а начнет ссылаться на некие туманные вселенские масштабы, я предлагаю повнимательнее изучить второй закон термодинамики, недвусмысленно свидетельствующий о том, что саморазвитие материи и в космических масштабах ведет не к усложнению, а к прямо противоположному — распаду.

Мой оппонент воскликнет: «Но ведь существует практика, результаты совокупной научной деятельности! И они с несомненностью показывают нам, что эволюция природы все-таки шла от простого к сложному!» — Да, это так.

Но понять и объяснить этот очевидный факт, оставаясь на платформе *эволюции как саморазвития материи*, на мой взгляд, невозможно. Чтобы не впасть в противоречие с объективными научными данными (в частности, со вторым законом термодинамики), необходимо от этих представлений отказаться и обратиться к совсем иным представлениям — о духовном начале Мира, которое и направляет эволюцию.

Впрочем, конечно, это только мое мнение, и я никому его не навязываю. Кто попробует найти иное решение — в добрый путь. Единственное условие — решать честно. И не прибегать к распространенному аргументу: «Этого не может быть, потому что не может быть никогда».

11. Ключевое в объяснении исторического процесса

В вопросе о развитии человечества, человеческой культуры наблюдаются две прямо противоположные тенденции. Согласно первой из них, определяющую роль здесь сыграла природная среда, в особенности масштабные катаклизмы. Согласно второй точке зрения, определяющая роль в социогенезе принадлежала социальной сфере.

Кстати, замечу: в данном вопросе нельзя однозначно разделить на два лагеря ученых, придерживающихся различных взглядов — материалистов и идеалистов, марксистов и немарксистов. Конечно, идея «естественного человека», то есть человека, чье развитие целиком и полностью определяется законами природы, представляется более близкой материалистически настроенным умам. Однако едва ли можно считать последовательным материалистом такого верного адепта этой идеи, как Жан-Жак Руссо.

С другой стороны, социокультурные истоки развития человечества отстаивали отнюдь не только «мракобесы»-идеалисты. А. Н. Рогачев, будучи убежденным марксистом, не менее убежденно отстаивал в данном вопросе приоритет социологического подхода, поскольку, по его мнению, именно законы общественного развития преобладали над другими факторами, влиявшими на развитие первобытного общества.

Тем не менее, в настоящее время в мировом палеолитоведении четко наблюдается тенденция выставлять на первый план (и, на мой взгляд — преувеличивать) значение природного фактора. Едва ли не каждое культурное изменение, не говоря уже о сколько-нибудь радикальных переменах, пытаются свести к более или менее широкомасштабным изменениям природной среды. Так ли это? Обратимся опять-таки к практике, которая, как известно, является самым надежным критерием истины.

Наблюдая текущий исторический процесс, современниками и участниками которого все мы являемся, можно утверждать: отрицать полную независимость социокультурных явлений от природной среды просто глу-

по. На Крайнем Севере нагишом не походишь, а носить в тропиках малицу и унты нелепо. Но вместе с тем нетрудно убедиться в том, что в своих основополагающих моментах история человечества развивается все-таки вне зависимости от изменений природной среды. Так, ни природные катаклизмы, ни изменения экологической обстановки не лежат в основе такого поворотного момента в истории человечества, как возникновение христианства. Не они спровоцировали такие трагические события прошлого столетия, как Октябрьский переворот, Первая и Вторая Мировые войны и т. д. Да и сейчас цунами, тайфуны, смерчи и пр. приходят и уходят, а пострадавшие от них люди довольно быстро возвращаются к привычному образу жизни.

На первый план выступают иные проблемы: взаимодействие Востока и Запада; христианства и ислама; духовная деградация «общества потребления»; поведенческие стратегии, приводящие к экологическим катастрофам; терроризм и т. д., и т. п. Даже если глобальное потепление, которым нас усердно пугают, и в самом деле произойдет, никто не может сказать заранее, в какой мере оно повлияет на грядущие пути человечества. Я склонен думать — отнюдь не решающим образом.

Таким образом, если использовать термин «адаптация», то в истории человечества на первый план неизменно выступает адаптация человека к человеку, социума к социуму. Только на этом фоне можно правильно понять и оценить характер и степень адаптации человека к природной среде. Но, может быть, социокультурная адаптация выступает на первый план только с возникновением цивилизации, а для первобытного прошлого доминирующую роль играет все-таки природная среда?

Против таких взглядов еще в середине прошлого века самым решительным образом выступал А. Н. Рогачев. Детально и вместе с тем емко проанализировав весь накопившийся к 1960-м гг. материал, он сумел показать: не только в масштабах материков, но и в пределах очень небольших районов, в одних и тех же ландшафтных условиях, при охоте на одних и тех же животных и в одно и то же время существовали поселения с инвентарем, несомненно, относящимся к различным культурам. Вывод неизбежен: накопленные археологические материалы признаются «достаточными» для вывода об «определяющей роли общественной среды в развитии первобытной культуры», по крайней мере, начиная со среднего палеолита.

За полвека, протекшие после выхода работ А. Н. Рогачева, в которых он отстаивал эти положения, материалы по палеолиту Евразии возросли многократно. Наша исследовательская группа попыталась, насколько возможно, проанализировать и осмыслить указанные материалы в рамках

своей работы по программам Президиума РАН в 2005–2009 гг. Сейчас результаты нашей работы обобщены в двух монографиях. С некоторыми из этих результатов познакомимся на следующих лекциях.

Рекомендуемая литература

Рогачев А. Н. Развитие первобытного общества и природная среда // Природа и развитие первобытного общества на территории европейской части СССР. К VIII конгрессу INQUA. Париж, 1969. М.: Наука, 1969. С. 181–196.

Человек, адаптация, культура. М.: Ин-т археологии РАН, 2008.

ЛЕКЦИЯ 5

Становление *Homo sapiens* и верхнепалеолитической культуры как естественный эволюционный процесс: «за» и «против»

12. Основные характеристики однолинейной эволюционной модели

Едва ли можно усомниться в том, что появление людей современного физического типа и наступление верхнепалеолитической эпохи явилось одним из узловых моментов в истории человечества.

Сравнительно недавно эта проблема, как, впрочем, и другие проблемы преистории — истории человечества, рассматривалась в рамках однолинейной эволюции. Упрощенно данный подход сводился к следующему. История человечества представляет собой непрерывный прогресс, развитие от простого к сложному. Человек современного физического типа возникает закономерно, в рамках прогрессивной эволюции гоминид под воздействием неких, то ли социальных, то ли социобиологических, то ли чисто природных факторов. Возникнув, он создает свою специфическую культурную среду, которая опять-таки непрерывно усложняется («прогрессирует»). Не вполне ясно, меняется ли при этом сам физический тип *Homo sapiens*. По одним оценкам, он должен меняться к некому *Homo sapientissimus*, по другим — физических изменений не последует, ибо *Homo sapiens* — и без того вполне совершенное существо.

В отечественной литературе эта проблема обычно рассматривалась в рамках теории «двух скачков», разработанной философом Ю. И. Семеновым. Согласно этой теории, процесс антропогенеза схематично можно рассматривать в виде двух скачков: из животного царства в мир еще не вполне сформировавшихся людей (архантропов), и второго скачка — к уже вполне готовым «людям» (неоантропам), представителями которых являемся и мы с вами. Не будем углубляться слишком далеко и сосредоточим свое внимание лишь на так называемом «втором скачке».

13. Новые данные: первые бреши в классической эволюционной модели

В последние десятилетия прошлого века привычные представления о древнейшей истории человечества значительно изменились и усложнились. Выяснилось, в частности, что человек вполне современного облика возник на территории Африки по меньшей мере 150–200 тыс. лет назад. Что между его обликом и обликом создаваемых им орудий отнюдь не было однозначной связи. А именно: человек современного вида мог довольствоваться достаточно «архаичной» (с нашей точки зрения, разуме-

ется) техникой скола, а его «менее удачный» собрат-неандерталец — активно осваивать верхнепалеолитические культурные традиции (культура шательперрон в Западной Европе). Наконец, сам переход от среднего палеолита к верхнему отнюдь не являлся одномоментным.

По современным данным, процесс становления верхнего палеолита в Евразии происходил в течение кислородно-изотопной стадии (КИС) 3 (50–25 тыс. лет назад). К концу этого периода неандертальцы полностью исчезли. Чтобы объяснить эти события, представляющие собой один из важнейших поворотных моментов в человеческой истории и зачастую именуемые «верхнепалеолитической революцией», предложено множество гипотез. Как уже говорилось раньше, в последнее время стали особенно популярны те из них, в которых ведущая роль отводится внешним, природным факторам.

Самое любопытное вот что. Одни и те же события, а именно распространение в Европе людей современного физического типа и исчезновение неандертальцев, зачастую объясняют прямо противоположными причинами. Так, по К. Лерою и А. Леруа-Гурану, распространению людей современного физического типа способствовало потепление Хенгело-Ле Кот, поскольку люди, принесшие ориньякские культурные традиции, были лучше приспособлены к более мягкому климату. Какое-то время они сосуществовали с местными неандертальцами. К концу стадиала, сменившего Хенгело-Ле Кот, неандертальцы вымерли — по крайней мере, на территории Франции. Сходных взглядов с незначительными вариациями придерживается П. Мелларс.

Зато Ф. Джинджан, также отводящий природно-климатическим условиям решающую роль в становлении верхнего палеолита, рисует нам прямо противоположную картину. Он рассматривает ориньяк как результат приспособления *Homo sapiens* к холодному климату и объясняет его распространение не потеплением, а, напротив, наступлением стадиала. При этом предполагается, что распространение шло с севера на юг: сначала неандертальцы и их культуры (селет, линкомб и т. д.) были вытеснены из Центральной Европы и с Британских островов и лишь затем — из районов ниже 50-й параллели.

Из сказанного можно сделать вывод, что палеогеографические данные постоянно используются некорректно. Пока можно говорить не столько об их действительном анализе и детальном сопоставлении с археологическими и антропологическими данными, сколько о подборе отдельных фактов для подкрепления загодя сконструированных гипотез. В результате, как справедливо было замечено Ф. д'Эррико, и неандертальцы, и люди современного физического типа выступают, в зависимости от теоретических предпочтений того или иного автора, то как холодолюбивые, то

как теплолюбивые гоминиды. Одни и те же события в их биологической и культурной истории объясняются то потеплениями, то похолоданиями.

В нашей монографии, совместной с Н. К. Анисюткиным и Л. Б. Вишняцким, мы рассмотрели все имеющиеся на сегодняшний день попытки объяснить причины становления верхнепалеолитической культуры. Ни одна из этих попыток нас не удовлетворила. И это не случайно. Как в рассмотренном выше примере, так и во всех прочих попытках объяснения мы имеем дело с загодя сконструированными логическими построениями, к которым подбираются отдельные факты. Лежащий в основе нашей работы принцип конкретно-исторического подхода требует прямо противоположного: вначале анализ исходных данных, ряд обоснованных обобщений, сделанных на основе этого анализа, и лишь потом возможные предположения о причинах процесса.

Нельзя исключить, что исследователь вынужден будет признаться: «На сегодняшний день я не могу предложить доказательное обоснование этих причин». Возможно и другое: решение будет найдено, но оно окажется слишком неожиданным, разрушающим привычные представления. В любом случае, дело нужно начинать не с создания очередных логических конструкций, загодя решающих проблему становления человека и его культуры, а с анализа конкретных материалов, свидетельствующих о том, как, в каких именно формах протекал этот процесс на различных территориях земного шара.

14. Неизбежные последствия принятия любого из вариантов классической эволюционной модели

Если бы процесс становления верхнего палеолита протекал по сценарию однолинейной эволюции, то этот процесс неизбежно отразился бы в конкретных археологических и антропологических материалах. В этом случае наблюдалась бы жесткая связь между антропологическим видом и характером культуры. В частности, неандерталец никоим образом не мог бы создать типично верхнепалеолитическую культуру.

Кроме того, сам процесс перехода к верхнему палеолиту («второй скачок») должен был бы осуществляться в относительно сжатые сроки и, в принципе, по одному и тому же сценарию прогрессивного развития. Этот сценарий неизбежно предусматривал бы, в частности, повсеместную трансформацию культуры «эпохи мустье» (среднего палеолита) в сторону появления и увеличения с течением времени прогрессивных верхнепалеолитических черт.

Сценарий становления верхнего палеолита был бы единым и сводился бы к следующему: вначале существуют типично мустьерские (среднепа-

леолитические) индустрии, затем они сменяются так называемыми «переходными» индустриями, сочетающими мустьерские и типично верхнепалеолитические элементы. Когда же, наконец, переход совершается, перед нами предстает уже чисто верхнепалеолитическая культура с исключительно пластинчатой техникой, богатым набором костяного инвентаря, хорошо представленной символической деятельностью.

Исходя из сказанного, было бы логично ожидать наиболее раннего появления верхнепалеолитических традиций в местах концентрации и, следовательно, особенно активного развития индустрий мустьерской эпохи.

Мы уже говорили о том, что современные научные данные не подтвердили тезис о жесткой связи между физическим обликом человека и его культурой. Не подтверждают они и тезис о сравнительно позднем возникновении человека современного физического типа одновременно с возникновением собственно верхнепалеолитических культурных традиций. Но, может быть, сам сценарий становления верхнего палеолита действительно был един? Вначале среднепалеолитические индустрии, в которых с течением времени накапливаются верхнепалеолитические элементы, затем индустрии «переходные», примерно в равных долях сочетающие средне- и верхнепалеолитические характеристики, и наконец чистый верхний палеолит?

Ничего подобного на самом деле не наблюдается — по крайней мере, на территории Европы. В следующей лекции мы подробнее рассмотрим этот вопрос на основании анализа конкретных археологических материалов.

Рекомендуемая литература

Аникович М. В. Адаптации к природным условиям и социокультурная адаптация в верхнем палеолите Восточной Европы // Человек, адаптация, культура. М.: Ин-т археологии РАН, 2008.

Аникович М. В., Анисюткин Н. К., Вишняцкий Л. Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История, 2007. 336 с. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 5).

Аникович М. В., Попов В. В., Платонова Н. И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 374 с. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 1).

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). СПб.: Алетейя, 2007. 713 с.

Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М.: Наука, 1966. 576 с.

Семенов Ю. И. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993.

ЛЕКЦИЯ 6

Становление верхнего палеолита Евразии по современным данным

15. Направленность развития среднепалеолитических индустрий Европы и Ближнего Востока

Исходя из принципов конкретно-исторического подхода, которыми мы руководствуемся, нельзя говорить о становлении верхнепалеолитической эпохи «вообще». Прежде всего необходимо рассмотреть конкретные формы этого становления на конкретных территориях. Далее я буду говорить об этом процессе в первую очередь применительно к территории Европы и отчасти — Северной Азии.

Рассматривая проблему перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Евразии, наша группа естественным образом обратила внимание на характер изменений среднепалеолитических индустрий в местах их наибольшей концентрации. И что же мы видим? На Ближнем Востоке вполне верхнепалеолитический по своему облику преориньяк, существовавший на грани раннего/среднего палеолита, около 200 тыс. лет назад, сменяется левантийским мустье, не связанным с ним ни по технике, ни по типологии.

Левантийское мустье характеризуется типично среднепалеолитической техникой скола и набором орудий. Обычно оно подразделяется на три хронологических группы (Табун D, B и C), но никакой тенденции к возникновению верхнепалеолитических характеристик при этом не наблюдается.

Аналогичная ситуация прослеживается и во временном изменении индустрии среднего палеолита Западной Европы. Индустрии так называемого секленьена (КИС 5) отличаются целым набором верхнепалеолитических характеристик: почти призматическая техника расщепления, высокая доля пластин среди заготовок и наличие среди орудий относительно большого количества вещей верхнепалеолитических типов. Однако в последующее время процент изделий подобного рода в среднепалеолитических индустриях резко падает. Вывод однозначен: ни для Западной Европы, ни для Ближнего Востока, где памятники среднего палеолита наиболее хорошо изучены, нет оснований говорить о направленных тенденциях в развитии индустрий эпохи среднего палеолита в сторону усиления верхнепалеолитических характеристик. Картина противоположная: верхнепалеолитические черты сильнее заметны в наиболее ранних памятниках среднего палеолита, а в дальнейшем изменения идут в сторону

усиления именно среднепалеолитических характеристик. Таким образом, если понимать под развитием эволюцию в направлении усложнения, сопровождаемую появлением нового, то здесь не приходится даже говорить о «развитии», как таковом.

Сходным образом дело обстоит для среднепалеолитических индустрий Буго-Днестровского региона, Крыма и Кавказа.

16. Ранняя пора верхнего палеолита Евразии как периодизационная единица

В одной из предыдущих лекций я говорил о проблемах археологической периодизации и подчеркивал: на каком бы уровне эта периодизация ни строилась, она должна конструироваться именно по археологическим, а не каким-то иным критериям.

На территории Евразии достаточно отчетливо выделяется период ранней поры верхнего палеолита (далее: РВП). В археологическом отношении этот период отличается, с одной стороны, чрезвычайно многообразием культурных традиций, проявляющихся в формах и технике изготовления каменных орудий, в украшениях и произведениях искусства. С другой стороны, все это многообразие может быть сведено к трем основным вариантам:

а) пережиточное мустье (типично мустьерские индустрии, сосуществующие с двумя другими вариантами);

б) симбиотические («архаичные») верхнепалеолитические индустрии, основанные, как правило, на верхнепалеолитической технике скола, но содержащие, особенно в типологии, наряду с верхнепалеолитическим ярко выраженный среднепалеолитический компонент. В литературе именно индустрии этого типа обычно именуют «переходными». Я исключил этот термин из употребления. Почему — станет ясно из дальнейшего изложения;

в) типичные верхнепалеолитические индустрии, не содержащие сколько-нибудь выраженных среднепалеолитических компонентов.

Анализ хронологии памятников РВП показал следующее.

Начало и конец этого процесса в разных частях Ойкумены не одновременны. Начало колеблется от 50–45 тыс. лет назад (Горный Алтай, Костенковско-Борщевский район) до 32–26 тыс. лет назад (Юг-Юго-Запад Восточной Европы). Конец этого процесса фиксируется на протяжении от 28–25 тыс. лет назад (Северная Азия, Западная Европа, Костенковско-Борщевский район) до 22–20 тыс. лет назад (Юг-Юго-Запад Восточной Европы). Уже это одно доказывает, что ни о каком единообразии природно-климатических условий в процессе перехода от среднего к верхнему палеолиту на территории Евразии не может быть и речи.

17. Соотношение трех типов индустрий РВП в Евразии

Как же на деле соотносятся между собой три названных выше типа индустрий? Можно ли выстроить их в хронологическую последовательность: «пережиточное мустье» — затем симбиотические индустрии — типичный верхний палеолит? — Нет! Анализ конкретных материалов начисто разрушил эту схему. Оказалось, что все три типа индустрий *существуют на протяжении всей РВП*, хотя и не всегда на одной и той же территории.

Так называемое «пережиточное мустье» отнюдь не было распространено по всей Ойкумене. Оно сосредоточивалось в отдельных областях (ре-фугиумах). Из них наиболее показательными являются Иберийский полуостров и Крым. В первом случае типично среднепалеолитические индустрии доживают по меньшей мере до 28 тыс. лет назад, а во втором, судя по серии недавно полученных радиоуглеродных дат, — даже до 22–18 тыс. лет назад. Нелишне напомнить, что эти позднейшие среднепалеолитические индустрии отнюдь не характеризуются возрастанием технико-типологических признаков, свойственных верхнему палеолиту. Скорее наоборот: им свойственно *усиление мустьерской специализации*.

Не укладывается в рамки традиционного эволюционистского мышления и ситуация с симбиотическими («архаичными») и «развитыми» верхнепалеолитическими индустриями. Казалось бы, первые должны предшествовать вторым во времени, а вторые просто обязаны «вырастать» из первых в технико-типологическом отношении.

Однако материалы Восточной Европы не дают ни малейших оснований говорить о предшествовании древнейших симбиотических индустрий «развитым» или собственно верхнепалеолитическим. Скорее наоборот: «развитая» индустрия Костенки-14/IVб, где исследователем этого памятника А.А. Синицыным обнаружен набор украшений и даже самые ранние на сегодняшний день произведения верхнепалеолитического искусства, оказывается никак не моложе наиболее ранней симбиотической индустрии Костенки-12/III (древнейшего памятника «архаичной» костенковско-стрелецкой культуры). То же следует сказать и о спорной по своему характеру индустрии Костенки-12/IV.

Таким образом, на данный момент древнейшие симбиотические стоянки Восточной Европы обнаружены в регионах, где наличие мустьерских памятников вообще не установлено достоверно. На поверку они оказываются не моложе наиболее ранней симбиотической индустрии, либо синхронны по времени другим индустриям — с выраженными верхнепалеолитическими чертами в технике скола и орудийном наборе. Напротив, там, где мустьерские памятники достаточно многочисленны и выразительны,

никакого «перехода» или «перерастания» среднего палеолита в верхний не наблюдается. Отдельные попытки доказать такое перерастание оказываются необоснованными типологически.

Генетические связи симбиотических индустрий с европейским мустье прослеживаются в целом ряде случаев вполне убедительно. Однако нигде на территории Европы подобные связи не имеют строго автохтонного характера. Крымский микок, вероятно, сыграл важную роль в становлении древнейших верхнепалеолитических индустрий с листовидными орудиями (костенковско-стрелецкая АК, индустрии типа Заозерье-Бызовая, возможно, городцовская АК). Однако трансформация мустье данного типа в верхний палеолит происходила отнюдь не в районе массового распространения культур-«прародительниц». Ничего подобного в ареале собственно «крымского микока» не зафиксировано.

Куда сложнее обстоит дело с древнейшими типично верхнепалеолитическими («развитыми») культурами РВП. Древнейший верхний палеолит (50–45 тыс. лет назад) появляется в Европе отнюдь не в местах концентрации среднепалеолитических памятников. Так, на Среднем Дону, где столь древний возраст верхнего палеолита может считаться доказанным, до сих пор не обнаружено никаких следов мустьерских индустрий.

Напротив, в местах концентрации среднепалеолитических памятников (например, Юг – Юго-Запад Восточной Европы) переход к верхнему палеолиту совершается значительно позднее, по современным данным, не ранее 32 тыс. лет назад.

Относительно происхождения трех выше названных вариантов индустрий РВП можно сказать следующее:

а) «пережиточное мустье» является естественным продолжением «обычного» мустье, отличаясь лишь более поздним возрастом: от 28–25 до, возможно, 20–18 тыс. лет назад;

б) для ряда симбиотических культур (костенковско-стрелецкая, городцовская, бачокирьен, шательперрон и др.) удастся обосновать технико-типологические связи с различными вариантами европейского среднего палеолита. Генезис каменных индустрий РВП Горного Алтая из местного мустье тоже можно считать установленным. Необъяснимым остается там другое — внезапное и очень раннее (ок. 50 тыс. лет назад) появление развитой костяной индустрии и набора украшений;

в) возникновение древнейших (50–45 тыс. лет назад) типично верхнепалеолитических индустрий, не содержащих каких-либо архаичных элементов типа ориньяк 0, Костенки 14/IVб и др., не объяснено. Большинство исследователей сходятся на том, что в Европе это явление чужеродное, пришлое, но его истоки никому не известны, в том числе и мне.

Вот этот-то древнейший, но, тем не менее, вполне «типичный» верхний палеолит и является самым неприятным фактом для последователей однолинейной прогрессивной естественной эволюции человека и его культуры.

Итак, на материалах Европы и Ближнего Востока мы убедились в том, что среднепалеолитические индустрии отнюдь не обладают склонностью «саморазвиваться» в направлении верхнего палеолита. Только для части индустрий РВП Европы (а именно — симбиотических или «архаичных») можно говорить об установлении культурно-генетических связей с местным мустье.

Однако и здесь нет оснований утверждать, что эти индустрии появились в результате «саморазвития» и являются «переходными» по своему характеру. По основным технологическим характеристикам это уже вполне сформировавшиеся верхнепалеолитические индустрии, где связь с индустриями среднепалеолитической эпохи прослеживается на типологическом уровне — то есть там, где культурные традиции проявляются с наибольшей отчетливостью.

Все это позволяет утверждать, что процесс перехода от среднего к верхнему палеолиту уже в силу своей продолжительности (не менее 20 тыс. лет) и различных ландшафтно-климатических условий никоим образом не может интерпретироваться как адаптация к природной среде. Налицо именно *социокультурные адаптации как определяющий фактор этого процесса.*

18. Три сценария становления верхнего палеолита Евразии

Итак, подведем итоги. На рассматриваемой территории становление верхнего палеолита протекало по меньшей мере по трем различным сценариям.

Аккультурационная модель

Этот сценарий наиболее четко прослеживается в Европе. Согласно ему, высокоразвитые верхнепалеолитические культурные традиции были изначально принесены в Европу извне (к сожалению, неизвестно, откуда). Пришельцы, принесшие эти новые культурные традиции, вступили в достаточно тесный продолжительный контакт с частью местного мустьерского населения, т. е. с неандертальцами, в результате чего возникли так называемые симбиотические культуры.

Модель замещения

В местах компактного проживания местного мустьерского населения (Крым, Иберийский полуостров) «чужаки» длительное время успешно от-

торгались. Местное население сумело сохранить здесь свои культурные традиции, по крайней мере до 28–18 тыс. лет назад. Но в конце концов эти неандертальские рефугиумы исчезли. На смену пришло население, освоившее уже вполне сложившуюся верхнепалеолитическую культуру. Мы не знаем, были ли эти пережиточные неандертальцы уничтожены или они вымерли сами, но в любом случае здесь можно говорить о сценарии замещения.

Классическая эволюционистская модель постепенной «естественной» трансформации местного мустье в местный верхний палеолит

Эта модель не вызывает особых возражений, пожалуй, только для территории Горного Алтая, но с существенной оговоркой, касающейся внезапного взрывообразного появления техники обработки кости и большого количества различного рода весьма совершенных украшений. Может быть, и здесь имело место культурное взаимодействие, а древнейшие типично верхнепалеолитические индустрии попросту не выявлены?

19. Немного об антропологии

Я не специалист в области физической антропологии. Поэтому позволю себе лишь предельно кратко обратиться к этой проблеме, как она представляется взгляду археолога. Исследования последних трех десятилетий в области физической антропологии и палеогенетики уже хорошо показали, что красивые картинки, на которых изображен постепенный переход от сползающей с дерева обезьяны к человеку современного вида, с научной точки зрения абсолютно несостоятельны.

Напомню в этой связи, что *Homo sapiens* возник на территории Африки по меньшей мере 200–150 тыс. лет назад, и классический европейский неандерталец (*Homo neanderthalensis*) никоим образом не мог являться его «естественным» прародителем. Вместе с тем, вопрос о возможности скрещения *Homo sapiens sapiens* с более архаичными формами гоминид, включая классических неандертальцев, до сих пор остается открытым.

Впрочем, в последнее время явно наблюдается некоторое сближение позиций. Сейчас уже мало кто из ученых отстаивает тезис об абсолютной невозможности даже минимальной гибридизации. Ряд общих черт в морфологии поздних представителей *Homo neanderthalensis* и ранних анатомически современных европейцев позволяет предполагать, что их сосуществование, вопреки чересчур категоричным утверждениям генетиков, все же сопровождалось обменом генами и частичной ассимиляцией первых вторыми.

Археологические данные достаточно недвусмысленно свидетельствуют в пользу гибридизации, или метисации, *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis*. Именно эти последние (или их ближайшие потомки, включившиеся в процессы социокультурной адаптации и смешения с носителями верхнепалеолитической традиции) явились создателями симбиотических культур РВП (селет, шательперрон и др.). Без достаточно постоянных брачных контактов трудно представить себе столь значительное культурное влияние.

20. Основные выводы

Сложившаяся картина совершенно не соответствует представлениям об автохтонном, однолинейном эволюционном развитии палеолита Евразии. Появление здесь человека современного вида и древнейших «развитых» верхнепалеолитических культур требует новых подходов и новых объяснений. Сейчас мы можем в той или иной степени приближения *описать* процесс становления верхнего палеолита на рассматриваемой территории Евразии. Но мы все еще не в состоянии *объяснить* его, указать его истоки. Ни одно из естественноисторических объяснений причин «верхнепалеолитической революции» не может считаться удовлетворительным с научной точки зрения. И это не удивительно. Наука пока не докопалась до корней, из которых выросли древнейшие «развитые» индустрии РВП. Не зная истоков, мы не можем судить и о причинах их возникновения.

Древнейшие известные нам индустрии типичного верхнего палеолита (Костенки-14/IVб, спицынская АК, ориньяк 0 и др.) явно разнокультурны и, в то же время, имеют между собой нечто общее, определяемое мной через термин «ориньякоидность». Выраженной ориньякоидностью характеризуются и древнейшие проявления усть-каракольской традиции Горного Алтая, обладающей, несмотря на ее в целом симбиотический облик, ярким комплексом признаков, свойственных уже типичному верхнему палеолиту (высокоразвитая обработка кости, украшения).

Все это позволяет предположить, что указанные древнейшие «развитые» индустрии РВП имеют некую общую индустриальную основу, возникшую намного раньше рубежа 50–40 тыс. лет назад и, вероятно, за пределами Евразийского континента. Поиск этой гипотетической основы является особой задачей палеолитоведения. Для решения этой задачи требуется координация деятельности ведущих специалистов в рамках специальных программ.

Итак, в культурно-историческом смысле РВП есть не что иное, как процесс становления верхнего палеолита, протекавший в разных регио-

нах Евразии в разное время и по разным сценариям. Завершение этого процесса знаменуется полным или почти полным исчезновением как пережиточного мустье, так и симбиотических культур. Чисто верхнепалеолитические технико-типологические характеристики становятся абсолютно господствующими.

Рекомендуемая литература

Аникович М.В., Анисюткин Н.К., Вишняцкий Л.Б. Узловые проблемы перехода к верхнему палеолиту в Евразии. СПб.: Нестор-История, 2007. 336 с. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 5).

Аникович М.В., Попов В.В., Платонова Н.И. Палеолит Костенковско-Борщевского района в контексте верхнего палеолита Европы. СПб.: Нестор-История, 2008. 374 с. (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции. Вып. 1).

Васильев С.А. Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Сибири // *Stratum plus*. 2000. № 1. С. 178–210.

Вишняцкий Л.Б. «Верхнепалеолитическая революция»: география, хронология, причины // *Stratum plus*. 2000. № 1. Время последних неандертальцев. С. 245–271.

Вишняцкий Л.Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины «верхнепалеолитической революции». СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

Дервянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту взгляд из Северной Азии // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 501–508.

Дервянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 5–19.

Дервянко А.П. Переход от среднего к позднему палеолиту на Алтае // Переход от раннего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. С. 186–216.

Дервянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Арх., этногр. и антропология Евразии. 2003. № 3. С. 27–50.

Дервянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Переход от раннего к позднему палеолиту

в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2005. С. 283–311.

Козинцев А. Г. От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения) // *Арх., этногр. и антропология Евразии.* 2003. № 1. С. 58–64.

Козинцев А. Г. Сунгирь: старый спор, новые аргументы // *Арх., этногр. и антропология Евразии.* 2004. № 1. С. 19–27.

Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000.

Рыбин Е. П. Ранняя пора верхнего палеолита Южной Сибири: к проблеме соотношения верхнепалеолитической каменной технологии и среднепалеолитических традиций // *Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: общее и локальное (Материалы Междунар. конф. к 125-летию открытия палеолита в Костенках).* СПб.: Нестор-История, 2006. С. 326–345 (Труды Костенковско-Борщевской археологической экспедиции ИИМК РАН. Вып. 4).

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЕКЦИЯ 1. Основные методико-методологические положения и понятия	5
1. О научном познании	5
2. Что такое археология?	8
Рекомендуемая литература	11
ЛЕКЦИЯ 2. Хронология и периодизация.....	13
3. Общие представления.....	13
4. Некоторые проблемы археологической периодизации: археологические эпохи.....	15
Рекомендуемая литература	19
ЛЕКЦИЯ 3. «Конкретно-исторический подход» и его приложение в палеолитоведении	21
5. Конкретно-исторический подход	21
6. Понятия-интеграторы	24
7. Археологическая культура	26
8. Технокомплекс	29
9. Историко-культурная область	31
Рекомендуемая литература	34
ЛЕКЦИЯ 4. Некоторые узловые вопросы палеолитоведения в свете обозначенных методологических установок.....	37
10. Эволюция как саморазвитие материи — так ли это бесспорно?	37
11. Ключевое в объяснении исторического процесса.....	38
Рекомендуемая литература	40
ЛЕКЦИЯ 5. Становление Homo sapiens и верхнепалеолитической культуры как естественный эволюционный процесс: «за» и «против»	41
12. Основные характеристики однолинейной эволюционной модели	41
13. Новые данные: первые бреши в классической эволюционной модели	41
14. Неизбежные последствия принятия любого из вариантов классической эволюционной модели.....	43
Рекомендуемая литература	44

ЛЕКЦИЯ 6. Становление верхнего палеолита Евразии	
по современным данным	45
15. Направленность развития среднепалеолитических индустрий Европы и Ближнего Востока	45
16. Ранняя пора верхнего палеолита Евразии как периодизационная единица	46
17. Соотношение трех типов индустрий РВП в Евразии.....	47
18. Три сценария становления верхнего палеолита Евразии.....	49
19. Немного об антропологии	50
20. Основные выводы	51
Рекомендуемая литература	52

Учебное издание

Российские ученые — студентам университетов

Аникович Михаил Васильевич

МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ
К ИЗУЧЕНИЮ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

Избранные лекции

Редактор *С. В. Исакова*
Оригинал-макет *А. С. Терёшкиной*

Подписано в печать 25.11.2010 г.
Формат 60 × 84 1/16. Уч.-изд. л. 3,5. Усл. печ. л. 3,25.
Тираж 70 экз. Заказ №
Редакционно-издательский центр НГУ.
630090, Новосибирск-90, ул. Пирогова, 2.